

83.3P7
193

ДѢТСКІЕ ГОДЫ

БАГРОВА-ВНУКА

СЕМЕЙ ЧЕН

Г.Ф. Гудков З.И. Гудкова

С.Т. АКСАКОВ
СЕМЬЯ
И
ОКРУЖЕНИЕ

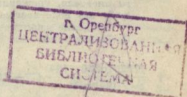
Г.Ф. Гудков З.И. Гудкова

С.Т. АКСАКОВ

СЕМЬЯ И ОКРУЖЕНИЕ

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

59810-1

УФА
ВАШКИРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1991

писан дворовый Ефим Евсеев, там же сообщалось, что он умер в 1846 г. и что по предыдущей ревизии, 1834 года, ему было 74 года. В 1850 г. жене Евсеича, Анне Николаевне было 76 лет, а сыну Александру — 38 лет¹.

В ревизских сказках, как правило, показывалось число исполнившихся лет, отсюда следует, что Евсеич родился в 1759 или 1760, его жена Анна Николаевна — в 1773 или 1774, а сын Александр — в 1811 или 1812 годах. С. Т. Аксаков последний раз встречался с Евсеичем в Пензенской губернии летом 1842 г., Евсеичу тогда было 82 или 83 года: «Мне самому было уже пятьдесят лет» — писал автор. Получается, по Аксакову, что Евсеич умер 84 или 85 лет, что отличается от данных ревизской сказки только на один год, а такое расхождение вполне естественно в мемуарных записках по памяти.

С. Т. Аксаков назвал Евсеича Ефремом, в действительности же его имя — Евфим (Ефим).

У Николая Тимофеевича Аксакова, брата писателя, в Пензенской губернии было имение в селе Благовещенском (Репьевка), в сельце Колдаис — Кравково (Ильинское) и в сельце Репьевка (Дмитриевка)².

Последняя встреча С. Т. Аксакова с Евсеичем происходила в Репьевке Пензенской губернии Городищенского уезда.

Глава XI

БРАТЬЯ И СЕСТРЫ С. Т. АКСАКОВА.

У Сергея Тимофеевича Аксакова было четыре сестры и два брата. Первым ребенком в семье родителей писателя была дочь, умершая в младенческом возрасте. О ее рождении в «Семейной хронике» повествуется так: «Степан Михайлович [дед писателя — авт.] так уверил себя, что у него родится внук, наследник рода Багровых, что не вдруг поверил появлению на свет внучки. Наконец, прочитав собственными глазами письмо сына, ...приказал назвать новорожденную Прасковьей в честь любимой своей сестры Прасковьи Ивановны Куролесовой. Угадывая наперед его желание, малютке еще на молитве дали имя Прасковьи» (1; 256, 259). Нигде других упоминаний об ее имени не встречается. Но так как настоя-

¹ ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 606, л. 51—60.

² ГАПО, ф. 60, оп. 4, д. 407, ревизские сказки № 2—4.

щее имя Прасковьи Ивановны Куролесовой — Надежда Ивановна Куроедова, то едва ли может быть сомнение в том, что старшая сестра С. Т. Аксакова была названа Надеждой.

18 мая 1794 г. в Уфе родилась вторая сестра писателя, ее также назвали Надеждой. Она была в первом браке за Н. И. Мосоловым, а во втором — за Г. И. Карташевским, воспитателем С. Т. Аксакова в Казанской гимназии, а затем в Казанском университете¹.

Следующим по возрасту был брат Николай, о рождении которого С. Т. Аксаков в «Детских годах Багрова внука» писал: «Сходили за моим отцом. Он пришел и, услыша издали мои рыдания, подходя ко мне, закричал: Что ты, Сережа! Надо радоваться, а не плакать. Слава богу! Мать будет здорова, у тебя родился братец... Он взял меня на руки... Не скоро унялись судорожные рыдания и всхлипывания, внутренняя и наружная дрожь. Наконец, все мало-помалу утихло, и прежде всего я увидел, что в комнате ярко светло от утренней зари, а потом понял, что маменька жива, будет здорова, — и чувство невыразимого счастья наполнило мою душу! Это произошло 4 июля...» (1; 435). И хотя год рождения не упоминается автором, но по ходу повествования можно определить, что это было в Уфе около 1797 года. И действительно, в родословных указан год — 1797, но место и даты рождения не сообщаются. Из родословных же узнаем, что его жена — Екатерина Алексеевна Панова (6.11.1809—25.9.1857) погребена в Донском монастыре².

В очерке «Знакомство с Державиным» С. Т. Аксаков писал: «В половине декабря 1815 года приехал я в Петербург на короткое время, чтоб взглянуть на брата, которого я в 1814 году определил подпрапорщиком в Измайловский полк. Брат жил у полковника Павла Петровича Мартынова, моего земляка и короткого приятеля, который, как и все офицеры, квартировал в известном

¹ Здесь эта тема подробно не рассматривается, так как Н. Т. Карташевской и ее семейству посвящена нами отдельная книга: Незаконченная повесть С. Т. Аксакова — Наташа. Историко-краеведческий комментарий, Уфа; Башкиргоиздат, 1988 г. 232 с.

² Сиверс А. А., указ. соч., с. 93. У его тестя, Алексея Дмитриевича Панова, было имение в с. Воротники и в д. Дмитриевка Саранского уезда Пензенской губернии, перед отменой крепостного права там было 360 крестьян и 20 дворовых. См.: Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости..., т. 2, СПб., 1860, с. 52.

Гарновском доме; я поместился также у Мартынова» (2; 314).

Так как имя брата в очерке не названо, то С. И. Машинский, автор примечаний, к стр. 314 отметил: «Имеется в виду Аркадий Тимофеевич Аксаков (1803—1860)» (2; 490). Это явная ошибка: здесь речь шла не о брате Аркадии, а о брате Николае, который был на шесть лет старше.

С. Т. Аксаков упоминает о брате Николае в «Истории моего знакомства с Гоголем», описывая обед у Карташевских в Петербурге 16 ноября 1839 года, на котором присутствовали «два тайных советника: весьма известный и любимый прежде литератор Хмельницкий и другой, тоже литератор, мало известный, но не без дарования, Марков. Несколько раз разговор обращался на Гоголя. Боже мой, что они говорили, как они понимали его — этому трудно поверить! Я тогда же написал об них в письме к моей жене, что это были калибаны в понимании искусства, и это совершенная правда. Зная свою горячность, резкость и неумеренность в своих выражениях, я молил только бога, чтоб он дал мне терпение и положил хранение устам моим. Я ходил по зале с Верой и Машенькой, где, однако, были слышны все разговоры, и удивлялся вместе с ними крайнему тупоумию и невежеству высшей петербургской публики как служебной, так и литературной. Брату Николаю Тимофеевичу было даже совестно за старинного его приятеля Хмельницкого, а Григорию Ивановичу — за Маркова»¹ (3; 174).

«Записки об уженье рыбы» и «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» были написаны С. Т. Аксаковым с посвящением «Моим братьям и друзьям Н. Т. и А. Т. Аксаковым». Это свидетельствует о большой близости братьев Аксаковых прежде всего в отношении их к природе и охоте. В рассказе «Речной кулик» из «Записок ружейного охотника...» С. Т. Аксаков специально отметил: «Один настоящий охотник и образованный наблюдатель, Н. Т. Аксаков, которому я обязан за многие сведения, сказывал мне, что нахаживал куличат и гнезда речных куликов в моховых болотах сосновых больших лесов» (4; 212).

¹ Николай Иванович Хмельницкий (1789—1845) — драматург; Михаил Александрович Марков (1810—1876) — генерал-майор, беллетрист, поэт и драматург. (3; 794, 804). Вера — дочь писателя; Машенька — племянница писателя, дочь Григория Ивановича Карташевского — авт.

По своим политическим взглядам, в отличие от С. Т. Аксакова и его детей, Николай Тимофеевич придерживался правого направления. Я. В. Соловьев в своих «Записках о крестьянском деле», говоря о крепостнических настроениях Николая Тимофеевича, писал, что он «по своему направлению нисколько не был похож на своего брата»¹.

В 1850—58 гг. Н. Т. Аксаков в чине статского советника был губернским предводителем дворянства Симбирской губернии². В связи с этим в своем дневнике 10 апреля 1855 года Вера Сергеевна Аксакова о своем дяде записала, «что он представлялся новому государю [Александру II] как губернский предводитель с депутатией из Симбирска, который их очень обласкал, благодарил несколько раз за пожертвования»³.

Об имениях Н. Т. Аксакова в Пензенской и Уфимской губерниях уже сказано в главе «Евсейч». В Самарской губернии в Ставропольском уезде село Вишенки (Куроедово) Надежды Ивановны Аксаковой, по мужу Куроедовой, в эпоху освобождения крестьян принадлежало Сергею Тимофеевичу и Николаю Тимофеевичу Аксаковым, имевшим там 2700 дес. земли⁴.

Какая-то доля имения в селе Новое Аксаково также ему принадлежала, так как в родословную книгу Самарской губернии он был записан по Бугурусланскому уезду⁵. В Симбирской губернии свой наследственный участок земли 805 дес. между селом Старым Аксаковым и д. Безымянкой в 1838 г. он продал ученому управителю Петру Ираклиеву Козлову⁶. У него было и другое имение в Симбирской губернии, но нам оно неизвестно.

Приведем некролог: «Сегодня, 13 марта, в 4 часа утра, на 85-ом году жизни, скончался в Петербурге Николай Тимофеевич Аксаков, последний из оставшихся в живых братьев автора «Семейной хроники» — Сергея Тимофеевича Аксакова. В молодости своей Николай Тимофеевич Аксаков, по общему правилу отдал долг военной службе и служил в измайловском полку, был

¹ Русская старина, 1884, № 2, с. 258.

² Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии, Симбирск, 1868, с. 139.

³ Аксакова В. С. Дневник (1854—1855). Ред. и примеч. Н. В. Голицына и П. В. Щеголева, СПб., Огни, 1913, с. 103.

⁴ Россия. Полное географическое описание нашего отечества, т. 6, СПб., 1901, с. 409.

⁵ Чемодуров, указ. соч., с. 120.

⁶ Мартынов. Селения Симбирского уезда., с. 139.

впоследствии адъютантом у гр. Паскевича. Выйдя в отставку, Николай Тимофеевич Аксаков служил по дворянским выборам, был четыре трехлетия подряд симбирским губернским предводителем дворянства, обладая значительными поместьями в Симбирской губернии. Будучи до конца жизни таким же страстным любителем и знатоком природы, как и брат его, С. Т. Аксаков, и обладая далеко не дюжинными познаниями в области естественной истории, покойный собрал в симбирском имении своем избранную и дорогую библиотеку по этим наукам. Она очень богата также и сочинениями по общей литературе, так как Николай Тимофеевич не переставал постоянно следить за ходом последней. В молодости своей он постоянно вращался в литературных кружках Державина, Карамзина, Шишкова, Дмитриева и других литераторов»¹.

Большой известностью в России и еще большей известностью за границей в свое время пользовался сын Н. Т. Аксакова, Александр Николаевич Аксаков — автор статей и ряда книг по спиритизму. Биографические сведения о нем можно найти в Энциклопедическом словаре Брокгауза, у А. А. Сиверса и в статье В. И. Прибыткова. Он родился 27 мая 1832 года в пензенском имении отца в селе Репьевке, в 1857 году окончил Александровский лицей и в следующем году поступил на службу в Министерство внутренних дел, где был послан в экспедицию Мельникова-Печерского в Нижегородскую губернию для исследования раскола. В 1858 году нижегородский губернатор, А. Н. Муравьев, бывший декабрист, пригласил Александра Николаевича Аксакова в Палату государственных имуществ на должность советника хозяйственного отделения. В 1860 году он выходит в отставку, «чтобы устроить свое имение согласно положению о крестьянах». В 1868—1878 гг. он служит в Государственной канцелярии и уходит в отставку в чине действительного статского советника. Еще будучи лицеистом, он обстоятельно знакомится с учением Эммануила Сведенборга, шведского ученого и теософа (1688—1772). А. Н. Аксаков с ранней юности был расположен к изучению религиозных и философских вопросов. Обладая созерцательным и вместе с тем точным и систематическим складом ума, он старался в любом заинтересовавшем его деле доискаться до сути вопроса. Так, для более основательного знакомства с библией, он изучает еврейский язык. Убедившись, что

¹ Газета Новое время, 1882, № 2170, с. 3.

духовная жизнь человека зависит от его физического состояния, он поступает вольнослушателем на Медицинский факультет Московского университета и два года изучает анатомию, физиологию, химию и физику.

Лондонский журнал «The medium and daubreak» в 1881 году назвал Александра Аксакова пионером спиритуализма в России. Там же говорилось о нем: «Замечательно, что он совсем не увлекался столоверчением, когда в 50-х годах оно из Америки и Европы проникло и в Россию». Научные исследования медиумических явлений проводились А. Н. Аксаковым со «строгим отделением факта от различных теорий, его объясняющих, а тем более от разных своеобразных учений мистического и религиозного свойства, исповедуемых многими из последователей спиритуализма».

Авторы не считают себя компетентными в вопросах истории спиритизма. Отметим лишь здесь, на наш взгляд, совершенно бесспорное положение, что наряду с явными шарлатанами, этими вопросами занимались и люди, которые стремились дать научное объяснение психическим явлениям, к их числу из наших соотечественников можно отнести А. Н. Аксакова и А. М. Бутлерова. Другой вопрос: насколько им эта задача удалась. Это требует специальных исследований и, прежде всего, составления полной библиографии их трудов в этой области. Здесь не будем называть многочисленные работы А. Н. Аксакова по спиритуализму, написанные или самим или переведенные с других языков на русский или немецкий. Скажем лишь, что его труд «Спиритизм и наука» был издан в Петербурге в 1872 г., а одна из его книг была издана в Уфе¹. Встретив затруднение в издательской деятельности по спиритизму в России, он развернул ее необычайно широко в Германии, где издал многотомную «Спиритуалистическую библиотеку для Германии» и, сверх того, много лет издавал в Лейпциге ежемесячный журнал «Psychische Studien», посвященный теоретическим и фактическим исследованиям малоизвестных явлений психической жизни. Занятия А. Н. Аксакова спиритизмом разделяли в России В. И. Даль и А. М. Бутлеров.

¹ Аксаков Александр Николаевич. Анимизм и спиритизм. Критическое исследование медиумических явлений и их объяснения гипотезами «нервной силы», «галлюцинации» и «бессознательного». Ответ Э. Ф. Гартману. 3-е изд., Уфа, электр. тип. Печать, 1910, 679 с. Первое изд. было в СПб. в 1893, и второе — там же, в 1901 году.

Умер А. Н. Аксаков 4 января 1903 года в Петербурге, погребен в Москве в Донском монастыре вместе с матерью, Е. А. Аксаковой. В Московском Некрополе указано, что там же погребена Софья Александровна Аксакова (1 мая 1835—14 октября 1880), вероятно, его жена¹.

На Всероссийских Аксаковских чтениях в Абрамцеве 4 октября 1983 года в докладе С. В. Сучкова отмечалось значение А. Н. Аксакова в русской литературе и общественной мысли.

Сестра, Анна Тимофеевна Аксакова, родилась в 1799 году². Сведения о ней в литературе почти отсутствуют, неизвестна даже ее фамилия в замужестве. Но вот находка в Уфимском архиве. В ревизской сказке 1834 года (восьмая ревизия) за майоршей Анной Тимофеевной Воейковой числилось по деревне Медведка Белебеевского уезда 5 семейств дворовых (12 душ) и 49 дворов крестьян (394 души). Все крестьяне и одно семейство дворовых достались ей в приданое по отдельной записи в 1819 году от отца ее, титулярного советника Тимофея Степановича Аксакова; одно семейство дворовых было получено по духовному завещанию в 1831 году от матери, Марии Аксаковой. В 1822 году одно семейство дворовых она покупает у капитана Александра Николаевича Зубова и в том же году продает ему другое семейство дворовых. Нам известно, что капитан Александр Николаевич Зубов был братом ее матери: В том же уезде по д. Сиушка Анна Тимофеевна Воейкова имела 14 дворов (134 души) крестьян, которые также достались ей в приданое в 1819 году от отца³. Сын писателя, Иван Сергеевич Аксаков, не называя имени и фамилии мужа своей тетки, Анны Тимофеевны, сообщает его инициалы: В. И. и упоминает их имя в селе Григорово в 30 верстах от г. Козельска

¹ Энци. Брокгауза, т. 1, 1890, с. 303; Сиверс А. А., указ. соч., с. 95, 96; Прибытков В. И. Александр Николаевич Аксаков как спиритуалист. — Ребус, 1883, № 9, с. 1—8. (Сайтов В. И., Модзалевский В. Л.). Московский некрополь, т. 1, СПб., 1907, с. 13.

² Сиверс А. А., указ. соч., с. 93.

³ ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 1, д. 508, л. 147—169. В списках населенных мест... в 1870 г. упоминается деревня Большая Анненская, имевшая еще два названия: Медведка и Сиушка при речке Медведке, в пяти верстах от г. Белебея: в деревне было тогда 49 дворов, 318 жителей, там было три кирпичных и один маслобойный завод (алфавит). Д. Медведка, как отдельный населенный пункт, здесь уже не упоминается. Полагаем, что, находясь вблизи д. Сиушки, она слилась с ней в один населенный пункт.

(Оптиной пустыни) Калужской губернии. В другом месте И. С. Аксаков именован тетки называет Перемышлем¹.

У Владимира Ивановича и Анны Тимофеевны Воейковых были сыновья Александр, Николай, Алексей и Аркадий и дочь Мария. Умерла Анна Тимофеевна в 1850 г.²

Младший брат писателя, Аркадий Тимофеевич Аксаков родился 23 января 1803 г.³ С. Т. Аксаков в это время учился в Казанской гимназии. Лето 1803 г. С. Т. Аксаков провел с родителями в с. Ново-Аксаково Бугурусланского уезда, но о своем младшем брате в «Воспоминаниях» не пишет. После возвращения в Казань осенью 1803 г. С. Т. Аксаков тяжело заболел. И вот тогда мы встречаем первое упоминание о младшем брате: «Моя мать, испуганная и встревоженная, еще не оправившаяся после родов (семейство наше умножилось третьим братом), немедленно приехала в Казань одна, наняла квартиру, перевезла меня к себе, пригласила лучшего доктора и принялась за мое лечение» (2; 99). Мария Николаевна, мать писателя, возвратилась в бугурусланское Аксаково к остальному своему семейству «уже в феврале 1804 года» (2; 100). В повести «Наташа», описывая несостоявшуюся поездку своих родителей в сентябре 1810 года в Москву, С. Т. Аксаков семилетнего Аркадия называет Петрушей (2; 419).

Своему младшему брату С. Т. Аксаков посвятил несколько стихотворений: в ноябре 1824 года из с. Надеждино «Осенью» (Брату Аркадию Тимофеевичу в Петербург); в мае 1830 года из Москвы «Послание в деревню» (К А. Т. Аксакову) и в сентябре 1823 года из с. Надеждино «Послание к брату» (Об охоте). По мнению И. С. Машинского, последнее стихотворение также было адресовано Аркадию (3; 661—667, 673—675, 773, 774).

Около 1820 года Аркадий Тимофеевич служит в Петербурге в гвардии прапорщиком, впоследствии он — коллежский секретарь. 5 июля 1836 года он женится на Анне Степановне Кротковой (21.1.1819—10.9.1888). У них были дети. Сын Сергей родился 2 сентября 1837 года, в 1857 году окончил Александровский лицей, в чине коллежского советника служил во втором отделении соб-

¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. 1, с. 364, 366. Ныне с. Перемышль — районный центр одноименного района Калужской области, в 27 км от г. Калуги. См. СССР. Административно-территориальное деление союзных республик. М., 1946, с. 60.

² Аксаков И. С. Письма к родным (1844—1849). М.: Наука, 1988, с. 314, 591, 637, 659. Примечания к письмам.

³ Сивере А. А. Генеалогические разведки. Вып. 1, СПб., 1913, с. 93.

ственно его величества канцелярии; 8 сентября 1875 г. женился в Саратове на бугурусланской мещанке Христине Андреевне Киреевой, 20-ти лет.

Сын Николай родился 1 июля 1838 года, в 1857 г. окончил вместе со старшим братом Александровский лицей, в чине надворного советника служил в министерстве внутренних дел, умер в 1887 г.

Дочь Надежда родилась 26 августа 1839 года, была замужем за действительным тайным советником, сенатором Алексеем Порфирьевичем Безобразовым (30.5.1828—29.4.1905). Умерла она в 1907 г., вместе с мужем погребена на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.

Сын Александр родился 27 июля 1842 г., умер 1 марта 1880 г. и погребен вместе с матерью в Троице-Сергиевской лавре¹.

После службы в гвардии Аркадий Тимофеевич Аксаков в 1835—1838 гг. избирается бугурусланским уездным предводителем дворянства². Проживал он тогда в бугурусланском селе Ново-Аксаково, но имел еще 4400 десятин земли при с. Старое Аксаково (Троицкое) в Симбирском уезде, позже эта земля перешла к его сыну, Николаю Аркадьевичу³.

Аркадий Тимофеевич часто приезжал к своему брату в Абрамцево. Об этом имеется упоминание в Дневнике Веры Сергеевны Аксаковой за 13 сентября 1855 года: «Приехал дядя Аркадий Тимофеевич, привез много рассказов о выборах в Симбирске, о Самаре и о предстоящем ополчении в Самаре и Оренбурге»⁴.

Дата смерти А. Т. Аксакова — 1 ноября 1862 г. устанавливается по надписи на надгробном камне в селе Ново-Аксаково. Фотография надгробного камня хранится в Абрамцево⁵.

Вскоре после смерти мужа, в 1865 году, вдова Анна Степановна Аксакова продает свое имение, доставшееся ей, видимо, в приданое от ее родителей, Кротковых. Объявление о продаже имения ею было опубликовано несколько раз в Оренбургских губернских ведомостях: «Са-

¹ Сиверс А. А., указ. соч., с. 93, 96.

² Новиков В. А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1879, с. 89, 146.

³ Россия..., с. 399; Мартынов П. Селения Симбирского уезда..., с. 130, 131.

⁴ Аксакова В. С., указ. соч., с. 145; Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. 1, с. 380, 382.

⁵ Абрамцево, ф. 447, д. 9, л. 10. В картотеке Аркадий ошибочно назван Григорием.

марской губернии Бугульминского уезда продается 4800 дес. отличного чернозема при с. Воскресенском, Чекан — тож, оставшиеся от надела крестьян. Село расположено на берегу р. Ика; перевоз в самом селе. По ту сторону Ика находится лесная дача в 1450 дес. строевого и дровяного и горы с богатыми медными рудниками. При имении продается каменная большая рига, молотильня, веелка, амбары, каменный большой флигель и деревянный для приезжих, кухня, все надворные строения, отличная ветряная мельница трех поставах, весь скот, овец черкасской хорошей породы до 1350 голов. Владелец продает вместе с землею всю большую базарную площадь, дающую в год от ярмарки, еженедельных базаров и кабака до 1400 рублей сер. При имении продается 118000 кирпича, готового для кладки больших каменных амбаров на базарной площади, для закупа хлеба, сала, кож, так как в продолжение целого года тут происходит закупь на них. Изобилие леса дает возможность выстроить большие винный или поташный заводы. Имение это находится от пристаней Челны и Бетьки в 118 верстах, от Чистого Поля в 240 в., от Мензелинска — 120 в., от Бугульмы — 60 в. Цена 60000 р. сер. Продавица готова принять в счет уплаты 5-процентные выкупные свидетельства, или ренту по 87 коп. за рубль, на половину всей суммы. Об условиях узнать от А. С. Аксаковой, в Казани по Покровской в собственном доме»¹.

О своей самой младшей сестре, Софье, С. Т. Аксаков пишет в «Воспоминаниях». Сообщая с смерти Надежды Ивановны Куроедовой в 1806 году, автор далее пишет: «Вскоре я получил известие, что у меня родилась третья сестра...» (2; 152). Имя ее не названо. В генеалогических трудах А. А. Сиверса, а также В. В. Руммеля и В. В. Голубцова она вообще отсутствует. Самое раннее упоминание об имени сестры мы встретили в журнале «Русский архив», где сообщалось, что в 1818 г. ее в Москве лечили от нервных припадков².

С. Т. Аксакова упоминается в одной из книг издательства Академии Наук СССР, но это явная опечатка, речь там идет о дочери писателя, Софье Сергеевне Аксаковой³.

¹ Оренбургские губернские ведомости, 1865, № 4, ч. не офиц., с. 27. Ныне с. Чекан находится в Азнакаевском районе Татарской АССР, на границе с Шаранским районом Башкирской АССР.

² Русский архив, 1894, кн. 3, с. 99—132.

³ Письма о Гоголе. В кн.: Материалы и исследования, т. 1, под ред. В. В. Гиппиуса. М.-Л., АН СССР, 1936, с. 502.

Ф. Г. Попов писал: «Сестра Сергея Тимофеевича Аксакова, Сонечка, о которой он часто говорит в своих воспоминаниях детства, вышла замуж за Михаила Глумили-на»¹. Здесь есть неточность: как упоминалось выше, в «Воспоминаниях» лишь один раз упоминалось о рождении в 1806 г. младшей сестры и даже имя её не было названо. Более подробно о ней рассказано в главе «Глумилины».

Глава XII

ПОТОМКИ С. Т. АКСАКОВА.

Ах, если бы побольше было таких отцов у нас в России, как старик Аксаков, который сумел дать такое честное направление своим сыновьям, тогда бы можно было умереть спокойно, веруя, что новое поколение побольше нашего принесет пользы России.

В. Г. Белинский².

В произведениях С. Т. Аксакова почти ничего не говорится о начале его семейной жизни. Сын его, Иван Сергеевич, собирался написать биографию своего брата, Константина Сергеевича. Однако успел дать только введение к этому труду: «Очерк семейного быта Аксаковых», где содержится и характеристика его родителей. После смерти И. С. Аксакова в 1886 году его вдова, Анна Федоровна и племянница, Ольга Григорьевна Аксаковы издали часть его большого эпистолярного наследства³.

Издание это открывается «Очерком семейного быта Аксаковых», отдельные места из которого нами и использованы ниже.

После продолжительного пребывания у родителей в Бугурусланской деревне Ново-Аксаково, в конце 1815 года С. Т. Аксаков переезжает в Москву. От деревенского уединения и увлечений всякого рода охотой молодой Ак-

¹ Попов Ф. Г. Потомки С. Т. Аксакова. Альманах Волга, Куйбышев, 1962, № 27, с. 124.

² Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. — В кн.: В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1962, с. 300.

³ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы, т. 1—3, М., 1888—1892; Часть вторая. Письма к разным лицам, т. 4, СПб., 1896.

саков попадает в столичное общество. Вскоре он знакомится и начинает бывать в доме своего будущего тестя, полковника Семена Григорьевича Заплатаина, «жившего на самой окраине города, близ Донского монастыря»¹.

Небогатый курский помещик С. Г. Заплатин служил на военной службе, участвовал «во всех походах Суворова, — в Польше, в Турции, был при осаде Очакова, имел георгиевский крест; при Павле командовал полком своего имени и вышел в отставку генерал — майором. При Александре, во время войны с Наполеоном, он командовал ополчением. Вся жизнь его протекла в походах и провинции. Его жена и мать Ольги Семеновны [будущей жены С. Т. Аксакова] была турчанка, Игель — Сюма, взятая 12-ти лет, при осаде Очакова. Она была из рода Эмиров, как известно, производящих себя от Магомета и пользующихся правом носить зеленую чалму. Немного рассказов сохранилось о ее детстве. Когда русские пошли на штурм, отец ее, схватив саблю, побежал к стенам, а тетка (матери у нее в живых не было), взяв ее и других детей, присоединилась к толпе других женщин. Все они побежали по мосту, которого перила обвалились, и тетка Игель-Сюмы упала в ров.

Войны с Турцией при Екатерине были за обычай в России; пленные турки и турчанки размещались по обывателям. Игель-Сюма попала в семейство генерала Воинова. Ее скоро окрестили и выучили читать и писать по-русски. При Екатерине было даже издано учебное руководство для пленных турок: с одной стороны текст турецкий, с другой русский. Необыкновенная красавица, она привлекла к себе сердце молодого Заплатаина, который и женился на ней. По окончании войны, когда разрешен был обмен пленных, родственники в Турции требовали ее возврата. Рассказывают даже, что один из них нарочно приезжал в Россию, чтобы разыскать ее, и изъездил всю Курскую губернию, — но напрасно. Мария — так звали теперь Игель-Сюму — была скрыта.

Она жила недолго, — умерла тридцати лет с небольшим... У нее было четверо детей, из которых двое умерли еще в детстве. Она сопровождала Семена Григорьевича в его походах — и там, на походе в Польшу, в 1792 году родилась у нее дочь Ольга...

¹ Шенрок. Аксаков в зрелую пору и нравственные устои его семейной жизни. — В кн.: Сергей Тимофеевич Аксаков. Его жизнь и сочинения. Сборник. М., 1912, с. 56.

Овдовев и поселившись в деревне Обоянского уезда, Семен Григорьевич взял свою старшую дочь из пансиона, — и она стала его товарищем, секретарем и другом. В обществе старого воина — отца она почерпнула тот дух доблести, которым так резко отличалась от других женщин. Она постоянно читала отцу своему исторические сочинения в русском переводе, ...описания военных походов, реляции сражений, газеты. Старик внимательно следил за политикой...

Вот в какой школе воспиталась Ольга Семеновна. Неумолимость долга, целомудренность, поразительная в женщине, имевшей столько детей, отвращение от всего грязного, сального, нечистого, суровое пренебрежение ко всякому комфорту, правдивость, ... презрение к удовольствиям и забавам, чистосердечие, строгость к себе и ко всякой человеческой слабости, негодование, резкость суда, при этом пылкость и живость души, любовь к поэзии, стремление ко всему возвышенному, отсутствие всякой пошлости, всякой претензии, — вот отличительные свойства этой замечательной женщины»¹.

Свадьба Ольги Семеновны Заплатиной и Сергея Тимофеевича Аксакова происходила в Москве 2 июня 1816 года в церкви Симеона Столпника на Поварской. Через несколько недель после свадьбы, по тогдашнему обычаю, на долгих отправились Аксаковы в Бугурусланское имение Тимофея Степановича — Ново-Аксаково.

«Пять лет прожил безвыездно Сергей Тимофеевич Аксаков в доме родителей. Семья ежегодно прибавлялась, помещение было в высшей степени тесно и неудобно и в материальном, и в нравственном отношении. Особенно тяготилась этим Ольга Семеновна... Неопрятность, нелюбовь к цветам и зелени, совершенное равнодушие к интересам общественным томили ее. Некогда блистательная, страстная Мария Николаевна превратилась в старую, болезненную, мнительную и ревнивую женщину, до конца жизни мучимую сознанием ничтожества своего супруга и в то же время ревновавшую, ибо она чувствовала, что он только ее боится, но что она утратила его сердце. Страстно любимый Сережа был разлюблен ею, как скоро он женился. Оба старика чувствовали, что

¹ И. С. Аксаков в его письмах, ч. 1, т. 1, с. 14, 15. На с. 83 указана дата рождения Ольги Семеновны — 1 марта 1792 г. У Сиверса ее даты жизни: 1 марта 1793 — 2 мая 1878, погребена вместе с мужем в Симоновом монастыре (с. 93).

Сереженька вышел из их среды. В доме все боялись только Марии Николаевны. Главою дома была она.

[Там 29 марта 1817 года родился сын Константин].

В 1821 году Тимофей Степанович согласился наконец выделить сына Сергея, у которого уже было тогда четверо детей, и назначить ему в вотчину село Надеждино¹ в Белебеевском уезде, Оренбургской губернии... Прежде чем переехать туда, Сергей Тимофеевич отправился с женою и детьми в Москву, где и провел зиму 1821 года.

В Москве он тотчас возобновил знакомства с приятелями, весь отдался жизни общественной, литературе, искусству, театру, и мигом окружился множеством друзей и приятелей. В тесной его квартире, на Сенной, Смоленской площади (где у него весной 1822 года родилась еще дочь), толпились с утра до вечера гости, производились чтения, твердились роли, играли в карты. Его тогдашними посетителями были: А. И. Писарев, Верховцев, Загоскин, Дмитриев, Н. Ф. Павлов, еще воспитанник театрального училища, Шаховский, иногда Кокоскин и др.

Летом 1822 года он опять отправился с семейством в Оренбургскую губернию — ради экономии, и прожил там безвыездно до осени 1826 года².

На этот раз С. Т. Аксаков возвращался в деревню с тяжелым чувством. Впоследствии он вспоминал: «Всегда весело расставался я с обеими столицами, всегда с радостным волнением спешил в благословенную деревню... и мне больно было, что я не испытывал прежнего чувства. Конечно, были и другие причины: я уезжал не в милое свое Аксаково, не на берега Бугуруслана, а в другое имение, находящееся в глухом Белебеевском уезде. Кроме того, что местоположение его было ровно и скучно, без освежающей тени дерев, без реки, следовательно не привлекало охотника; кроме того, что я не любил этой деревни, меня ждало другое горе: я должен был заняться хозяйством, которого терпеть не мог!.. Я смутно предчувствовал, что только там ляжет на меня вся тяжесть ложных и печальных отношений...» (3; 54).

Более чем четырехлетнее пребывание в Белебеевском имении, в деревне Надеждино, сравнительно мало отразилось в произведениях С. Т. Аксакова, если говорить о хронологии семейных событий. Хозяйственная деятельность проходила неудачно, прежний опыт его управления хозяйством пригодился мало, так как и земля, и кли-

¹ В тексте — Надеждино — авт.

² Там же, с. 187.

мат в Надеждино отличались от Бугурусланского имения. «Два неурожайных года сряду, — писал Аксаков, — лишили меня бодрости. Нетерпение и недостаток твердого постоянства были свойственны моей впечатлительной природе — и я бросил хозяйство. Хорошо, что я скоро догадался не мешать старосте: все пошло по-прежнему, и хозяйственные дела пошли гораздо лучше; но зато нравственное мое чувство беспрестанно оскорблялось, и сознание в собственном «бессилии быть полезным» отравляло мою тихую, уединенную деревенскую жизнь.

Ружейная охота, степная, лесная и болотная, ужение форели (другой рыбы поблизости около меня не было), переписка с московскими друзьями, чтение книг и журналов и, наконец, литературные занятия наполняли мои летние и зимние досужные часы, остававшиеся праздными от внутренней, семейной жизни. Общества не было или было такое, какое хорошо только в художественном произведении, а не в действительности» (3; 55).

Приведем только один эпизод из охотничьей жизни в Надеждино, который представляет интерес не только для охотников.

«...чем позднее осень, тем жирнее становятся вальдшнепы и, наконец, совсем заплывают салом... Мне особенно памятен в этом отношении 1822 год. Осень стояла долгая, сначала очень ясная и холодная, а потом теплая и мокрая; все вальдшнепы, без исключения, свалились в мелкие кусты, растущие по сырым и потным местам, держались там до 8 ноября и разжирели до невероятности! Брося все другие охоты, я неутомимо, ежедневно ходил за вальдшнепами: 6 ноября я убил восемь, 7-го двенадцать, а в ночь на 8-е выпал снег в четверть глубиною и хватил мороз в пятнадцать градусов... Двадцать вальдшнепов, облитые салом, застреленные 6-го и 7 ноября и висевшие в анбаре, замерзли как камень. С этого времени началась жестокая зима, и я до самого великого поста лакомился от времени до времени совершенно свежими вальдшнепами, что, конечно, может считаться большой редкостью» (4, 439, 440).

Занятия охотой и наблюдения за природой в белебеевский период дали богатейший черновой материал, использованный впоследствии С. Т. Аксаковым в его охотничьих рассказах и записках.

В Надеждине, «будучи человеком экспансивным, невольно приобщил [С. Т. Аксаков] своего малютку-сына [Константина] своим литературным интересам. «Евгений Онегин» присылался тетрадами. Все это читалось вслух,

громко, с каким то увлечением. Все это не мешало ни охоте, ни картам... Изредка ездил Сергей Тимофеевич обедать к своей матери [в Ново-Аксаково] на подставных за сто верст. Скоро сгорел у него дом от неосторожности; второй ребенок его простудился и умер; скончалось еще двое детей (два сына), за то и родилось четверо, (между ними сын Иван 26 сентября, в 1823 году).

Между тем Константин Сергеевич рос, упражнялся в чтении, а это чтение были все произведения тогдашней классической литературы, начиная с Хераскова. Едва ли не один из всех своих сверстников знал Константин Сергеевич Хераскова, Княжнина, Ломоносова и т. д. Когда ему минуло восемь лет, отец подарил ему в богатом переплете том стихотворений Ивана Ивановича Дмитриева. По этой книге, которую Константин Сергеевич скоро знал наизусть, Ольга Семеновна учила читать детей своих:

Москва, России дочь любима,

Где равнюю тебе сыскать!

Или:

Мои сыны питомцы славы,

Красивы, горды, величавы.

Вот на каком героическом чтении воспитывала Ольга Семеновна своих детей.

Константин Сергеевич любил вспоминать (он вообще с нежностью относился к своим детским годам) свое пребывание в Надеждине и чем с ранних лет воспитывалось в нем русское чувство. Прежде всего он отказался звать отца иностранным словом папаша, а называл его уменьшительным от слова отец — отесенька и так сохранилось до кончины...

Влияние отца окружало Константина Сергеевича с детства, сопровождало всю жизнь, и едва ли можно себе представить связь более тесную той, которая соединяла отца с сыном. С своего рождения до самой кончины Сергея Тимофеевича Аксакова в 1859 году Константин Сергеевич расстался со своим отцом только однажды и то всего на четыре месяца. По смерти отца, он буквально зачах и, будучи от природы геркулесовского сложения, умер чахоткой в 1860 году, 7 декабря, пережив его только 19-ю месяцами»¹.

Ольга Семеновна «вся принадлежала русскому быту.

¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. 1, с. 12, 19.

Русские обычаи, особенно церковные, русская кухня, русская природа — все это было ее родное»¹.

Дети подрастали, нужно было позаботиться о их учебе. Деревня окончательно надоела Сергею Тимофеевичу, по этому поводу он писал: «Надеждино никогда мне не нравилось, а тут сделалось даже противным. Я решил ускорить мой переезд в Москву, и в августе [1826 г.], вместе с остальным семейством, навсегда простился с Оренбургским краем» (3; 59).

С тех пор С. Т. Аксаков приезжал в Надеждино по хозяйственным делам всего три раза². В 1851 г. он был там с сыновьями Константином и Иваном³.

В сентябре 1826 года Аксаковы с четырьмя сыновьями: Константином, Григорием, Иваном и Михаилом, и двумя дочерьми: Верой и Ольгой из Надеждино переехали в Москву. В Москве вскоре С. Т. Аксаков с помощью А. С. Шишкова, тогдашнего министра народного просвещения, получил место цензора.

«Театр, участие в издании «Московского Вестника» Погодина, служба, карты и клуб охватили Сергея Тимофеевича... Дом его был открыт для всех друзей и знакомых... Новыми и преданными его друзьями были: М. П. Погодин, Ю. И. Венелин, профессора П. С. Щепкин, М. Г. Павлов, потом Н. И. Надеждин. День назначенный для сбора, быди субботы, — обедали и оставались до поздней ночи»⁴.

Частым гостем был актер М. С. Щепкин, Мочалов и другие актеры приходили советоваться насчет своих ролей.

«В семействе Аксаковых дети были постоянно с родителями, со старшими, жили их жизнью, интересовались их интересами (гости принимались всей семьею)»⁵.

Константин принимал живое участие во всех интересах отца и учился «у Венелина латинскому языку, Долгомостьева греческому языку, у Фролова географии. Он много читал и в особенности любил чтение русской истории... Будучи старшим в многочисленной семье, Константин Сергеевич, конечно, давал направление всем своим братьям и сестрам... [Он], будучи лет 12-ти, установил праздник Вячки 30-го ноября. В этот день, вечером, наря-

¹ Там же, с. 14.

² Там же, с. 20.

³ Аксаков И. С. Письма к родным (1846—1849). М.: Наука. 1988. с. 563.

⁴ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах..., с. 20.

⁵ Там же, с. 24.

жался Константин Сергеевич с братьями в железные латы, шлемы и проч., маленькие сестры в сарафаны — все вместе водили хоровод и пели песню, сочиненную Константином Сергеевичем для этого случая. Песня была длинная и рассказывала подробно подвиг Вячки. Она... начиналась так:

Запоемте, братцы, песню славную,
Песню, славную, старинную,
Как бывало храбрый Вячко наш и проч.

Затем следовало угощение, — непременно русское, — пились мед, елись пряники, орехи и смоквы...

Он учредил дружину из воинов; главным начальником был, разумеется, он, воинами — его братья и некоторые знакомые мальчишки. Исключение из воинов было самым жестоким наказанием. Вооружение приготавлилось дома... Помогал тут много домашний крепостной столяр Андрей, который делал и деревянные мечи, а дети сами их окрашивали синькой. Были и копья... В довершение всего этого, Константин Сергеевич писал повесть о приключениях дружины молодых людей, «любивших древнее русское вооружение». По мере написания, повесть прочитывалась вслух и поражала умы аудитории разнообразием и загадочностью приключений. Несмотря на то, что она постепенно достигла объема целого тома..., она никогда не была кончена»¹.

«...ни лошадок, ни кукол, ни игрушек, не знал Константин Сергеевич, да почти и никто в доме Аксаковых. Разыгрывались иногда по выбору и по инициативе самого Константина Сергеевича сцены из «Чудаков» Княжнина, из «Трисотин» Дмитриева и некоторые другие.

Нельзя не рассказать и еще об одной затее, характеризовавшей будущего славянофила. Употребление французского языка в разговоре резко осуждалось Константином Сергеевичем, — да и вообще великосветскость была предметом постоянной его насмешки... Большой свет как бы не существовал для этого семейства...

Одаренный счастливыми способностями, энтузиаст, исполненный самых чистых и возвышенных стремлений и в то же время непосредственной любви к России, русскому народу и Москве, в мире интересов литературы и искусства возрастал Константин Сергеевич, удивлял приятелей отца своими дарованиями»².

¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах..., с. 22.

² Там же, с. 23.

Здесь мы ограничимся лишь сообщениями о детстве Константина Сергеевича Аксакова, так как о его деятельности сказано в отдельном очерке.

Вторым ребенком в семье Аксаковых была дочь Мария, она родилась в 1818 году и умерла в раннем детстве. По данным Оренбургского краеведческого музея она умерла на первом году жизни¹. Однако, в «Очерке семейного быта Аксаковых» И. С. Аксаков, не называя сестру по имени, относит ее смерть к периоду жизни Аксаковых в Надеждино, т. е. к 1822—1826 гг.

7 февраля 1819 года в селе Ново-Аксаково родилась Вера Сергеевна Аксакова, умерла она 24 февраля 1864 года, погребена рядом со своими родителями в Симоновом монастыре в Москве. «Годом моложе Константина, [Вера Сергеевна] была весьма даровитая личность; разделяя с детства уроки и занятия Константина, она сроднилась с его духовным строем и умственными интересами». Вера Сергеевна вела дневник за 1854—1855 годы, который был опубликован после ее смерти племянницей Ольгой Григорьевной Аксаковой².

Вера Сергеевна получила воспитание более серьезное, более мужское, чем остальные сестры. В характеристике Ольги Григорьевны Аксаковой Вера Сергеевна рисуется, как натура «богато одаренная, как индивидуальность, как чрезвычайно обаятельное существо». Она «могла многое понимать, была образована, прекрасно рисовала карандашом и писала масляными красками. Она была не чужда экзальтации, сильно увлекалась и чувствовала большую склонность к мистицизму и философии. И действительно, перечитывая дневник, видим женщину не совсем обыкновенную. Это человек любящий, очень религиозный, чрезвычайно серьезно настроенный; вопросы общественные для нее столь же близки и волнующи, как и для ее братьев»³.

В 1820 году в селе Ново-Аксаково родился сын Григорий, о котором подробнее расскажем ниже.

9 мая 1821 года родилась дочь Ольга (1821—1861). Она страдала «от нервной очень сложной и продолжительной болезни. Эта болезнь сделала ее средоточием

¹ Гудков Г. Ф., Гудкова З. И., С. Т. Аксаков. Краеведческие очерки. Уфа: Башкирское издательство, 1981, с. 120.

² Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854—1855. Ред. и примеч. кн. В. В. Голицина и П. Е. Щеголева, СПб., Огни, 1913; частично дневник печатался в 1908 г. в журн. *Минувшие годы* под назв. «Последние годы жизни Гоголя».

³ Исторический вестник, 1913, август, с. 677—679.

самых нежных и постоянных забот и попечений отца и матери и всего остального семейства... Так как Ольга должна была остаться под постоянным наблюдением врача, то была нанята для нее дача на Башиловке, в соседстве знаменитого Овера, врача и друга семейства Аксаковых. Он ежедневно посещал больную, которой предписал весьма оригинальное лечение. Она в продолжение долгого времени должна была питаться исключительно мороженым и виноградом.

Отец и мать и старшая сестра Вера жили попеременно с больной Ольгой, а остальное семейство в Абрамцеве»¹.

В 1823 году, как отмечалось выше, родился Иван Сергеевич Аксаков. Здесь скажем несколько слов о его детстве, деятельности же его посвящен отдельный очерк. С десятилетнего возраста мальчик Иван «страстно читал газеты, страстно следил за политическими событиями в Европе; его уже волнует революционное брожение в Испании. Наказанием за какую-нибудь провинность служит ему лишение читать газеты. В нем уже сказывался будущий страстный публицист»².

В 1824 году в селе Надеждино родился младший сын Михаил (1824—1841). Он воспитывался в Петербурге в Пажеском корпусе, «скончался почти внезапно 5 марта 1841 года на руках Ивана Сергеевича», учившегося тогда в Петербурге в училище правоведения. «Эта неожиданная смерть была тяжким ударом для семейства и более всех поразила Ольгу Семеновну, которая сама строгого нрава, не менее того любила с особенной нежностью этого сына, всегда веселого, оживленного, остроумного. Она очень гордилась его замечательными музыкальными способностями, возбуждавшими удивление и среди посторонних. Несколько юношеских сочинений доставили ему уже известность среди специалистов. Тогдашние знатоки музыки сулили ему блестящую артистическую будущность»³.

В 1829 году в Москве родились две дочери: Анна, которая умерла в том же году, и Надежда (1829—1869). Из воспоминаний сестры Веры Сергеевны известно, что Надежда имела голос и пела под руководством Гоголя⁴.

¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах..., ч. 1, т. 1, с. 39, 40, 41, 124.

² Там же, с. 24.

³ Там же, с. 32.

⁴ Аксаков В. С. Последние годы жизни Гоголя. — Минувшие годы, 1908, № 7, с. 273—278.

26 ноября 1830 г. родилась дочь Любовь (1830—1867).

В 1831 г. в Москве родилась дочь Мария (1831—1906). Она упоминается в Дневнике Е. И. Поповой (с. 40), «была девочкой на защите 6 марта 1847 г. Константином Сергеевичем своей магистерской диссертации о Ломоносове»¹.

Мария Сергеевна Аксакова была замужем за Егором Антоновичем Томашевским². Ее свекор, Антон Францевич Томашевский (1803—1883) был ближайшим другом С. Т. Аксакова, заведывал почтовым училищем и был цензором иностранных газет на Московском почтамте³.

Марии Сергеевне посвящено стихотворение брата Константина: «Мой Марихен так уж мал...», впоследствии положенное на музыку П. И. Чайковским с изменением имени на «Лизочек»⁴.

9 апреля 1835 г. в Москве родилась дочь Софья (9.4.1835—2.9.1885)⁵.

Ниже приведем интересные воспоминания о семействе Аксаковых.

«Посещая в это лето 1853 г... некоторых моих знакомых, живших в окрестностях Москвы, я однажды предпринял более дальнюю поездку в Троице-Сергиевскую лавру, на обратном пути заехал к Сергею Тимофеевичу Аксакову, проживавшему с семейством близ Хотькова монастыря в своем имении Абрамцево. До того времени я редко видел Сергея Тимофеевича и его семейство и рад был случаю ближе с ним познакомиться, в надежде, что впоследствии я буду часто посещать их и сделаюсь, подобно моему отцу, другом их дома. Принятый хозяином, хозяйкою и всеми детьми самым радушным образом, я провел у них целый день.

Аксаков был человек уже весьма пожилой и болезненный и носил, подобно всем славянофилам, русское платье, т. е. кафтан и красную рубашку с косым воротом. Длинные волосы его, гладко и тщательно причесанные с пробором посреди головы, и окладистая белая борода придавали его лицу вид чисто библейский, а самое лицо, старческое, благообразное и выразительное с одним добрым и умным глазом (он был крив на один глаз),

¹ Сиверс А. А., указ. соч., с. 95.

² Там же, с. 95.

³ Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. М., АН СССР, 1960, с. 254.

⁴ Там же, с. 253.

⁵ Абрамцево, картотека, алфавит.

привлекало к нему всякого, видевшего его даже в первый раз. Не менее его была привлекательна и жена его Ольга Семеновна (рожденная Заплатаина). Старая, тучная, седая, с круглым, смуглым лицом калмыцкого типа, она была высокодобродетельная и редкая во всех отношениях женщина. Крайне простая в обращении, она умом и образованием много отличалась от дам своего времени. Вообще доброта и гостеприимство ее, как и Сергея Тимофеевича, привлекали в их дом людей разных слоев общества, но только людей умных и образованных — пустым светским болтунам там не было места.

Кроме трех сыновей, у них было несколько дочерей (из них только одна вышла за Томашевского), из которых одна, уже немолодая, была постоянно больна. Все дочери, подобно родителям и братьям, отличались умом, образованием и начитанностью и нисколько не походили на большинство девиц московского общества, с которыми они, впрочем, и не были знакомы.

— Должен сознаться, что, посещая с того времени, как я стал выезжать в свет, семейства вполне почтенные и уважаемые, но по уму и познаниям ничем не превышающие общий уровень, я в первый раз и на целый день попал в среду не светскую, но где образование и начитанность сразу и совсем придавили меня... Несмотря на самый радушный прием всего семейства и неоднократные поцелуи Константина Аксакова, душившего меня в своих геркулесовых объятиях, я чувствовал себя не на своем месте: мне было как-то неловко, и я мало разговаривал из опасения сказать какой-нибудь вздор или высказать мое невежество и особенно полное незнание славянофильского учения, чего, конечно, Аксаковы не могли ожидать от сына их друга, истинно русского человека, постоянно вращающегося в их кружке. Пробыв у них весь день, я был очень рад наступлению вечера и возможности уехать в Москву. С тех пор, к стыду моему, я с Аксаковыми более не сближался, о чем позднее часто и от души сожалел, сознавая, что общество людей, у которых можно было встретить лучших представителей тогдашней литературы и ученого мира, было бы для меня несравненно полезнее того, в котором я продолжал вращаться¹.

На акварели художника К. А. Трутовского изображен

¹ Воспоминания С. М. Загоскина. — Исторический вестник, 1900 (апрель, май, июнь), т. 80, с. 58—60.

С. Т. Аксаков, теряющий в тот период зрение и диктующий свои воспоминания дочери Вере (4; 646).

Шенрок о семействе Аксаковых писал, что семья эта имела «полное право на звание образцовой». Сергей Тимофеевич был «добрый друг, благодушный хозяин, приятный собеседник, а нередко и живой, и увлекающийся партнер в карточной игре. У него в доме все держали себя с полной непринужденностью, и дети не составляли исключения. Они не росли в отчуждении от родителей, но принимали участие, насколько это им было доступно, во всех интересах старших, и даже литературные дела и труды отца были им также близки, как и ему всякая мелкая подробность их домашней или училищной жизни. Не будучи удалены от общества взрослых, они относились с самой искренней любовью к знакомым и родным, а не играли только с их детьми. Иногда, может-быть, они даже черезчур свободно осыпали ласками гостей, судя по тому, что Погодин однажды записал в своем дневнике о том, что у Аксакова дети «облепили его», но, насколько мы знаем, эта приветливая развязность детей производила скорее хорошее впечатление и могла с своей стороны только способствовать общему отрадному настроению в этом доме, где знакомые привыкли отдыхать душой. «Девять человек детей около стола!» — восклицал в умилении Погодин.

Все члены семьи были соединены редким единодушием, полным согласием вкусов, наклонностей и привычек, а с годами на этой почве утверждалась глубокая внутренняя связь, заключавшаяся в общности убеждений и симпатий... В этой семье все члены были безусловно преданы друг другу, но при общем семейном ладе все боготворили особенно «отесеньку» (так называли дети С. Т. Аксакова), которого притом видели окруженным общей любовью даже посторонних; неудивительно, что своя семья относилась к нему с чувством умиленной привязанности и задушевного благоговения. В письмах друг другу у Аксаковых было принято подписываться не иначе, как «твой отец и друг», «твой брат и друг», и это имело глубокий смысл и вовсе не было бессодержательной формой¹.

Во всем многочисленном семействе Сергея Тимофеевича и Ольги Семеновны Аксаковых следующие поколения известны только по линии Григория Сергеевича Аксакова.

¹ Шенрок, указ. соч., с. 58, 59.

Григорий Сергеевич родился 4 января 1820 года в бугурусланском селе Ново-Аксаково. В детстве Григорий отличался вспыльчивостью и походил в этом отношении на своего прадеда, Степана Михайловича. В забавных играх отец не мог удержаться, чтобы не подразнить сына, но вскоре должен был это прекратить, опасаясь тяжелых последствий.

С. Т. Аксаков оставил ценнейшее описание характера Григория в альбоме, который подарил его невесте, Софье Александровне Шишковой. Запись эта заканчивается следующими словами: «Впоследствии, работая беспрестанно над собою, Гриша совершенно овладел своим характером... О, сильна и благонадежна любовь такого сердца! Глубокое чувство, безграничная преданность, полное самоотвержение и неизменное постоянство лежит в основании этой пылкой души» (2; 416).

Григорий Сергеевич, как и все остальные сыновья Аксаковых, получил домашнее образование и только на 16-м году был определен в старший класс Училища правоведения в Петербурге. В 1840 году он окончил училище, а летом того же года С. Т. Аксаков вместе с Григорием и Константином предпринял поездку за Волгу (3; 194). То же самое Училище правоведения двумя годами позже окончил и Иван Сергеевич. В этот период Аксаковы были озабочены и искали себе в Подмосковье усадьбу для летнего проживания там всем семейством. «Концу 1843-го года, поиски Григория Сергеевича увенчались успехом. Для семейства Аксаковых было приобретено село Абрамцево, прелесный уголок на берегах речки Вори, близ Хотьковского монастыря и не очень далеко от Троицко-Сергиевской лавры. Это имение соединяло в себе все, что могло удовлетворять требованиям Сергея Тимофеевича; прелестное местоположение, удобный старинный дом, среди прекрасного парка, громадный пруд под мельницей с богатою ловлею рыб, хорошее купанье на реке Вори, обширные леса, изобилующие грибами...»¹

В письме Н. В. Гоголю 16 ноября 1844 года С. Т. Аксаков сообщал о своих сыновьях: «Костя переписывает набело свою диссертацию; Иван возвращается с ревизии из Астрахани, где он действовал с неожиданным, изумительным даже для меня, достоинством мужа, а не юноши; Гриша служит товарищем председателя Гражданской палаты во Владимире и хотя не изумляет меня, но утешает более Ивана» (3; 305). Н. В. Гоголь всегда

¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах..., ч. 1, т. 1, с. 40.

следил и интересовался служебной деятельностью сыновей С. Т. Аксакова и в своих письмах давал ценные советы отцу.

О дальнейшей службе Г. С. Аксакова сообщалось так: «Коллежский асессор, и. д. товарища председателя Владимирской гражданской палаты Аксаков назначен и. д. Оренбургского губернского прокурора и вступил 4 февраля 1846 года к отправлению этой должности»¹. В апреле 1847 года Г. С. Аксаков едет в Петербург и получает назначение на должность прокурора в Симбирск². Здесь он 8 января 1848 года женился на Софье Александровне Шишковой (около 1830—27 июня 1883)³, дочери Александра Федоровича Шишкова, которого С. Т. Аксаков в повести «Наташа» назвал Ардальоном Семеновичем Шатовым; это отвергнутый жених сестры писателя, Надежды Тимофеевны Аксаковой.

О Шишковых подробно рассказано в очерке «Шишковы».

Здесь лишь скажем, что мать Софьи, Мария Алексеевна, урожденная Булгакова, покровительствовала браку своей дочери Софьи с Григорием Аксаковым, видимо, вопреки воле отца. Сохранилось письмо Г. С. Аксакова своей теще в день свадьбы, в котором он сообщает ей о состоявшемся браке:

«Марии Алексеевне дорогой нашей матушке
(надпись на конверте)

8 января 1848 г.

Слава богу Соничка моя пока здорова, что я счел долгом известить Вас о том, милый мой добрый и снисходительный друг матушка, и, следовательно, Вы моя дорогая родная, можете быть совершенно покойны на ее счет, так что и право можно Вам себя не беспокоить... Еще не исчезла та причина, по которой мы поспешили со свадьбой...

Любящий покорный сын Григорий Аксаков»⁴.

Незадолго перед свадьбой, С. Т. Аксаков подарил будущей невестке альбом, который открывался его собственноручной записью: «Всякий клочек бумаги долговечнее самой дорогой человеческой жизни. Ты сохранишь эти

¹ Оренбургские губернские ведомости, 1846, 9 февраля, № 6, с. 58.

² Иван Сергеевич Аксаков в его письмах..., ч. 1, т. 1, с. 436.

³ Сиверс А. А., указ. соч., с. 94.

⁴ ИРЛИ, рукописный отдел. Архив Аксаковых С. Т., К. С. и И. С., ф. 3, оп. 16, д. 10. О родстве тещи Г. С. Аксакова с уфимскими Булгаковыми рассказано в главе Булгаковы.

листы, милая Софья, и они сохраняют тебе живое воспоминание прошедшего. С. Аксаков. 1847. 27 декабря. Москва»¹. Этот альбом хранится в Абрамцево. До самой свадьбы в этот альбом все члены семьи Аксаковых записывали свои стихи и пожелания Софье и Григорию.

По свидетельству современников Г. А. Аксаков был гуманный человек с либеральными взглядами и «немало положил сил в борьбе за оздоровление пореформенного суда». Об этом свидетельствует его собственное письмо, характеризующее его отношение к тогдашнему симбирскому обществу и служилому чиновничеству: «Сколько беспорядков, интриг, нарушений законов намеренно и ненамеренно, такое равнодушие к своим обязанностям... Отсутствие стремления ко всему благородному и живому и такие дикие понятия о чести, что приходишь в отчаяние»².

В письме к Гоголю 3 декабря 1850 г. С. Т. Аксаков писал: «Гриша мой служит в Петербурге, а Иван продолжает подвизаться в Ярославской губернии». (3; 379). Г. С. Аксаков в июне 1850 г. был назначен в Петербург в комиссию для введения нового общественного управления с поручением устройства торговой депутации³. 23 апреля 1852 г. он был назначен вице-губернатором Оренбургской губернии и служил в Уфе. 20 июня 1853 г. он уволен по прошению от этой службы. 16 июля того же года он отправился за границу. 27 ноября 1855 г. он получает назначение в Самару вице-губернатором. С 23 января 1861 г. по 1865 г. С. Аксаков был гражданским губернатором Оренбургской, а с 1865 по 1867 г. — Уфимской губернии⁴. В эти годы проводилось в жизнь устройство крестьян после отмены крепостного права.

Г. С. Аксаков в Уфе входил в состав Комитета для составления проекта об улучшении и устройстве быта помещичьих крестьян Оренбургской губернии.

«При разработке проекта положения в Оренбургском комитете, как и в других губернских дворянских Комитетах, шла борьба между крепостниками и либералами по вопросу об условиях освобождения крестьян. Ярыми

¹ Библиографический указатель рукописного фонда Аксаковых, Абрамцево, 1981, с. 19.

² Селиванов К. Литературные места Ульяновской области. Саратов, 1969, с. 94.

³ ГАКО, ф. 430, оп. 1, д. 1985, Формулярный список о службе Г. С. Аксакова, л. 11.

⁴ Там же, л. 13—17 об.; ЦГА ВАССР, ф. 1, оп. 1, д. 2828, л. 5—6.

крепостниками были Топорнин, предлагавший урезать крестьянские наделы до 2,5 десятин, и Сергеев, стремившийся продлить переходное состояние до 40 лет. Аксаков, Карташевский, Дашков и Тимашев придерживались либерального направления, по их предложению было принято решение о наделении дворовых крестьян усадебным участком и полевой землей»¹.

В Уфе 17 декабря 1860 года было открыто казенное женское шестиклассное училище, преобразованное в 1865 году в Мариинскую Женскую гимназию².

В 1865 году губерния была разделена на Уфимскую и Оренбургскую, а Златоустовский завод был сделан уездным городом. Г. С. Аксаков торжественно открыл 26 ноября 1865 г. г. Златоуст³.

Писатель-демократ, страстный публицист второй половины XIX века, П. И. Добротворский оставил интересные воспоминания о Г. С. Аксакове. «В Уфимскую губернию, — писал он, — я отправился на время, чтобы помочь матери устроить быт наших крестьян. Но, попавши в Уфу, я устроил свой собственный быт, женившись и оставшись там навсегда.

По приезде в Уфу я сделал кое-кому визиты, ...и поехал к губернатору. Губернатором в то время был Г. С. Аксаков, отдавший всю свою душу на проведение освободительной реформы. Чуть ли не с первых слов он начал уговаривать меня остаться в Уфимской губернии.

— Помилуйте, да разве теперь такое время, чтобы молодому образованному человеку оставаться на военной службе? Оставайтесь здесь. У нас людей нет, нам люди нужны.

И опять через минуту:

— Оставайтесь! Меньше чем через год мировым посредником будете.

— А Академия то как же?

— Бросьте вашу Академию. Не такое теперь время, чтобы оставаться на военной службе. Подумайте.

Я обещал подумать, а на другой день, приехавши к Аксакову, заявил ему о своем согласии.

¹ Очерки по истории Башкирской АССР, т. 1, ч. 2, Уфа, 1959, с. 121. Речь идет о членах комитета Александре Андреевиче Топорнине, Петре Сергеевиче Сергееве, Якове Григорьевиче Карташевском, Андрее Дмитриевиче Дашкове и Николае Егоровиче Тимашеве.

² История Уфы, Уфа, 1976, с. 85, 86.

³ Справочная книга Уфимской губернии на 1883 г., отд. 2, с. XXIV.

— Вот и прекрасно. Подавайте сейчас же мне прошение, я представлю Вас немедленно в кандидаты к мировым посредникам, — говорил мне Григорий Сергеевич, пожимая мою руку, точно ему лично я сделал какое-нибудь одолжение.

Вот какое тогда было время!..

Все устроилось так, как обещал Григорий Сергеевич, скоро я был утвержден кандидатом к мировым посредникам в Уфимский уезд... В 1863 году я получил наконец место мирового посредника в Бирском уезде, но там я пробыл недолго, с небольшим год, а в начале 1865 года... был уже мировым посредником Белебеевского уезда, где и служил все время до самого уничтожения мировых посредников. Целых 12 лет я заведывал одним и тем же участком... Русских крестьян в моем участке было мало... а все больше башкиры.

Что это за прекрасный народ.

В участке меня очень любили...¹.

Как жена губернатора, Софья Александровна Аксакова участвовала в общественной жизни города: она была попечительницей женской гимназии, занималась благотворительностью². Ее активная общественная деятельность выходила далеко за рамки формальных обязанностей губернаторши. По ее инициативе в Уфе был разбит городской сад на участке, ограниченном ныне улицами Матросова, Фрунзе, Цюрупы и Тукаева; он так и назывался «Софьин сад». До 1861 года в Уфе не было театрального здания, и первое такое здание было построено не казною, «а усердием Софьи Александровны Аксаковой на пожертвования разных лиц». Это было в 1861 году. Театр помещался в «Софьином саду», он был деревянный³.

Построенный театр принадлежал женской гимназии. В его помещении устраивались литературные и музыкальные вечера, мысль об устройстве которых «и главнейшие заботы об осуществлении этой мысли» принадлежали Софье Александровне Аксаковой. В опубликованном в 1865 году театральном отчете спектакли любителей, устраиваемые С. А. Аксаковой, не только почти вполне погасили долг от постройки театрального здания,

¹ Добротворский П. И. Моя исповедь. М., 1904. (На правах рукописи). с. 12, 13, 15.

² Оренбургские губернские ведомости, 1865, № 3, с. 21; № 25, с. 172.

³ Волков-Кривуша. Русский театр в Уфе. Исторический очерк. Уфа, 1959, с. 8.

но и дали возможность выделить средства на благотворительные цели: на содержание детского приюта, оказание помощи погорельцам Архирейской слободки, а также на благоустройство самой женской гимназии. В литературно-музыкальных вечерах выступала и лично сама С. А. Аксакова с чтением стихов Н. А. Некрасова и А. К. Толстого, а ее старшая дочь, Ольга Григорьевна, играла на фортепиано¹.

В 1874 или 1875 году здание театра сгорело.

В 1875 году в Уфе начата была «постройка деревянного театра на суммы, пожертвованные г. Базиловским и другими. Театр назван Базиловским»².

«...через 7—8 месяцев архитектором Р. Карвовским на том же месте был построен новый театр, торжественно открытый, 9 мая 1876 года»³.

В 1890 году в этом театре выступал семнадцатилетний Федор Иванович Шаляпин, прибывший на гастроли в Уфу из Казани в составе труппы Семенова-Самарского⁴.

31 января 1892 года и это здание театра сгорело⁵.

Страховая сумма сгоревшего в 1892 году театрального здания, числившаяся в банке и составившая с процентами около 24 тысяч рублей, в 1909 году была использована на строительство Аксаковского народного дома, в котором предусматривались и театральные помещения⁶.

20 января 1867 года Г. С. Аксаков был назначен губернатором в Самару⁷.

Отъезд Г. С. Аксакова из Уфы в связи с назначением его в Самару был отмечен торжественным обедом, отчет о котором был опубликован Н. А. Гурвичем: «В воскресенье 12 февраля уфимское соединенное общество всех сословий давало прощальный обед в честь отъезжающего... Обед этот был устроен в помещении... в дворянском доме, городским собранием и сколько нам, здешним старожилам, помнится, обед этот принадлежит к числу таких, какие весьма редко давались в Уфе: во-первых, по многолюдству (в обеде участвовало 114 человек); во-вто-

¹ Оренбургские губернские ведомости, 1865, № 15—16, ч. не оф., с. 102—104.

² Справочная книжка Уфимской губернии... 1882—1883 г. Уфа, 1883, отд. 11, с. XXV.

³ Волков-Кривуша, указ. соч., с. 8.

⁴ Федор Иванович Шаляпин. М.: Искусство, т. 3. Статьи и высказывания, 1979, с. 251.

⁵ Волков-Кривуша, указ. соч., с. 9.

⁶ Уфимский край, 1909, 13 сентября, № 195.

⁷ ГАКО, ф. 430, оп. 1, д. 1985, л. 18 об.

рых, по соединению сословий...; в-третьих, обед этот отличался тем неподдельным единодушным сочувствием, которым воодушевлено было все собрание к своему гостю, и которое так живо высказалось во время тостов. На обеде произносились многочисленные речи и Г. С. Аксаков поднял тост со словами: «Есть слово, выражающее собою всех жителей земли в известной местности; есть слово, в котором сливаются все сословия отечества! Это слово — народ!»¹

О самарском периоде жизни Г. С. Аксакова очень интересные воспоминания оставил Александр Иванович Иванчин-Писарев (1846—1916). Воспоминания эти были изданы в 1929 году и редактор И. В. Невский в предисловии к ним об авторе писал: «Воспоминания А. И. Иванчина-Писарева, сначала народника-пропагандиста, а затем народовольца... представляют замечательный памятник той героической эпохи народничества, когда народники являлись действительными революционерами и не на словах, а на деле шли в гущу того самого народа, во имя которого они отказывались от своего привилегированного положения, состояния, собственности, чинов и привольной жизни»².

Автор воспоминаний с 1874 года находился на нелегальном положении, странствуя по России в самых разнообразных ролях слесаря, кучера, железнодорожного агента. В 1875 году эмигрирует за границу, где принимает участие в революционных изданиях «Вперед» и «Работник». Возвратившись в 1877 году, он примкнул к «Земле и воле» и жил нелегально в Самарской губернии, работая волостным писарем около двух лет, ведя пропаганду среди крестьян. При назначении волостным писарем в Страховскую волость Бузулукского уезда предводитель дворянства предупреждал его: «...в Страхове волостной писарь должен вести себя вполне безукоризненно. Там имени Григория Сергеевича Аксакова, поль-

¹ ИРЛИ, рукописный отдел, архив Аксаковых С. Т., К. С. и И. С., ф. 3, оп. 16, № 88. Аксаков Григорий Сергеевич. Материалы для его биографии. Статья Н. Гурвича, Прощальный обед Григорию Сергеевичу Аксакову. В деле имеется вырезка без названия газеты и даты. Судя по формату, это Уфимские губернские ведомости. Николай Александрович Гурвич (1827—1914) — врач, уфимский статистик и краевед.

² Иванчин-Писарев А. И. Хожение в народ. (Революционное движение России в мемуарах современников, под ред. В. И. Невского и В. Анатольева. Предисловие В. И. Невского). М.-Л.: Молодая гвардия, 1929, с. 5.

зующегося большим влиянием, и вы будете находиться под его постоянным надзором. «Еще начальство!» — невольно подумал я...

На первых же порах своей службы в с. Страхове я убедился, что значит «находиться под постоянным наблюдением» такого влиятельного генерала, каким был Григорий Сергеевич Аксаков.

Брат известного славянофила, Ивана Сергеевича Аксакова, Григорий Сергеевич в начале 70-х годов был самарским губернатором. Благодушный человек, он старался в своей административной деятельности руководствоваться «законом» и требовал того же от своих подчиненных. Естественно, что при таком губернаторе ни земские, ни городские деятели не встречали обычных препон, оживилось и общество в своих стремлениях приносить пользу на почве просвещения и благотворительности. Зато поклонники произвола были крайне недовольны таким «либеральным» губернатором и путем интриг убедили в конце концов Петербург, что Г. С. Аксаков «распустил» Самарскую губернию.

«Подтянуть» губернию явился Ф. Д. Климов, бывший сподвижник виленского Муравьева. В качестве представителя такой узкой программы он и к голоду, постигшему население Самарской губернии в 1873 году, отнесся с предвзятой идеей о распушенности и открыл борьбу с земством и крестьянами. Земство при нем лишилось выдающегося общественного деятеля, председателя губернской земской управы, А. Н. Хардина, удаленного по высочайшему повелению, а голодные крестьяне были приведены в состояние такой подавленности, что боялись и заикнуться о правительственной помощи.

Достаточно привести один факт из деятельности этого губернатора [Климова], чтобы видеть, в чьих руках находилась судьба населения в тот злосчастный период.

Доложили Климову, что крестьяне Самарского уезда не только испытывали крайнюю нужду в хлебе, но удручены еще состоянием своих полей, предвещающим на осень плохой урожай пшеницы. Климов, захотев лично проверить эти слухи, отправился в коляске в ближайшее село. Крестьяне были предупреждены о приезде губернатора и встретили его на дороге. Наивные люди, они упали на колени и стали просить о помощи. Губернатор велел им встать и проводить его в поле. Там, окруженный толпой, он приказал старосте сорвать один колос, растер его на ладони и крикнул: — Смотрите. Вот вам зерно — на подати, зерно — на семена, а для еды... вот

еще сколько осталось! И вы смеете кричать, что у вас голод! ...Всех перепорю, мерзавцы!..

Аксаков, конечно, не разделял губернаторских воззрений на голод. В качестве частного лица, он в тот же 1873 год сумел организовать помощь крестьянам и на свои средства и путем сбора пожертвований, превысивших два миллиона рублей.

Климову не нравилось это «противодействие власти» и, хотя он пытался пресечь «преступную» деятельность Аксакова, все-таки не мог преодолеть влияния его связей, не считавшихся с губернаторскими доносами.

Крестьяне, земские гласные, дворяне, вся лучшая часть общества были глубоко возмущены политикой Климова и, по мере того как росла неприязнь к губернатору, все более и более закреплялись симпатии к Г. С. Аксакову. Стоило ему только обратиться с какой-нибудь просьбой в земскую управу, присутствие по крестьянским делам, даже к исправнику, как сейчас же следовало удовлетворение.

В Страховской волости его значение сказалось в двух направлениях: крестьяне безбоязненно шли к нему с каждой нуждой, а должностные сельские и волостные лица часто менялись по жалобе недовольных крестьян. В особенности не засиживались на своем месте волостные писаря, возбуждая преследования то пристрастием к пьянству, то к вымогательству, то крайней неисполнительностью по своей безграмотности. Часто в волостном правлении не было вовсе писаря, и его обязанности исполнял сельский писарь. Естественно, что при таких условиях в канцелярии волостного правления царил полный хаос, и при поступлении на должность мне прежде всего предстояло разобраться в нем и привести дела в порядок»¹.

В имени Г. С. Аксакова был управляющий.

— «Вы довольны управляющим? — спросил я одного крестьянина. — Не обижает вас?

— Пофыркает когда, а большой обиды нет... Нам ведь пути на барский двор не заказаны: чуть что и — к Григорию Сергеевичу!

— А он всегда за вас?

— Как придется... По правильности рассудит».

Уж из того факта, что крестьяне звали Аксакова не барином, не генералом, а просто по имени и отчеству, можно было заключить, что он пользуется и любовью и авторитетом.

¹ Иванчин-Писарев А. И. Указанные сочинения, с. 54—58.

Убеждение в его справедливости, сложившееся путем опыта, отражалось и на числе дел волостного суда: многие споры и недоразумения кончались при участии самого Аксакова, не доходя до волостного разбирательства...

Аксаковские крестьяне, получившие полный надел [земли при отмене крепостного права], пользовались еще большим участком и платили за него такую, сравнительно, ничтожную аренду, что у крестьян соседних волостей возбуждали зависть.

— А, храни бог, — говорили арендаторы, — неурожай али другое что — к примеру, скотина пала — толкнись к Григорию Сергеевичу, и отсрочит уплату, а в голодный год и вовсе простил...»¹

Из сказанного выше становится ясным, почему Г. С. Аксаков оставил сам пост губернатора и перешел на работу в земство. Это был «своеобразный протест против реакции Александра III»².

В чине тайного советника Г. С. Аксаков в 1884—1891 гг. был самарским губернским предводителем дворянства. Умер он в 1891 г.

Неизвестный корреспондент Н. Э. Эверсмманна в своем письме к нему в Уфу писал следующие подробности похорон.

«24 февраля скончался в Самаре Григорий Сергеевич Аксаков, а 27 тело его должно было прибыть на станцию Марычевку, отстоявшую на 18 версте от Страхова. Еще накануне многие из крестьян отправились на станцию — одни, чтобы нести гроб, другие, чтобы сопровождать его до Страхова. Вечером 27-го вокзал и платформа Марычевской станции были полны народом, пришедшим и приехавшим встретить гроб. В 11 часов вечера пришел печальный поезд. Вагон с гробом отцепили, а также и еще два вагона, в которых ехали родные и знакомые, провожавшие гроб усопшего из Самары... Утром около 7 часов отслужили краткую литию... Гроб вынесли на станцию и на плечах понесли до Страхова. За гробом следовала масса пешего народа, а также провожавшие из Самары.

Проходя через село Марычевку, против церкви останавливались и служили литию. В Коноваловке (тоже попутное село) все население встретило процессию с хоругвями

¹ Иванчин-Писарев А. И. Указанные сочинения, с. 59, 60.

² Попов Ф. Г. Потомки С. Т. Аксакова. Альманах Волга, 1962, № 27, с. 1—12.

и иконами близ церкви. Местным священником также была отслужена валенская панихида... Не доходя верст 5—6 до Богдановки (деревня, примыкающая к Страхову) стали чаще и чаще попадаться толпы крестьян, вышедших на версту, присоединялись, увеличивая собой толпу, следовавшую за гробом. В Страхове, во дворе дома, в котором прожил столько лет Григорий Сергеевич, ...была отслужена лития... гроб был поставлен в церкви... на следующий день были похороны»¹.

Некролог Г. С. Аксакова был опубликован в Уфе Н. А. Гурвичем:

«В два часа ночи на воскресенье 24 февраля скончался самарский губернский предводитель дворянства, тайный советник Григорий Сергеевич Аксаков, бывший оренбургским, а затем уфимский губернатор с 1860 по 1867 год. В среду 27 февраля в Уфимском Кафедральном соборе была отслужена... панихида по усопшем. На панихиде присутствовали уфимский губернатор генерал Норд, вице-губернатор граф Адлерберг и многие из бывших сослуживцев и подчиненных, а также знакомых покойного.

Покойный Григорий Сергеевич был высокочтим в Уфимской губернии, как во время управления им губерниею, так и до настоящего времени и добрая память о его службе и его личных высоких качествах надолго будет жить в сердцах уфимцев в летописях губернии. Мир праху этого достойнейшего русского человека»².

А. И. Баладин приводит интересные сведения о службе Г. С. Аксакова в самарский период.

Павел Иванович Якушкин (1822—1871) писатель-демократ, известный собиратель фольклора был особенно дружен в 1850-е годы с Иваном Сергеевичем, братом Г. С. Аксакова. Известный артист и театральный критик Модест Иванович Писарев жил в Самаре, когда туда из астраханской ссылки был переведен П. И. Якушкин. Писарев был принят в доме губернатора Г. С. Аксакова, жена которого Софья Александровна была большой любительницей театра. По просьбе Писарева губернатор принял участие в судьбе Якушкина, которого и сам хорошо знал, так как московский дом Аксаковых в свое

¹ ИРЛИ, ф. 3, оп. 16, д. 91, л. 1—3 об.

² ИРЛИ, рукописный отдел, архив Аксаковых С. Т., К. С. и И. С., ф. 3, оп. 16, № 88. Там сохранилась вырезка из газеты без названия и даты; в Уфе тогда издавалась одна газета — Уфимские губерские ведомости.

время гостеприимно встречал собирателя народных песен Якушкина.

Впоследствии Писарев по этому поводу писал: «Григорий Сергеевич Аксаков был сыном своего отца и не только по крови, но и по духу. Он принял самое горячее участие в Павле Ивановиче Якушкине: благодаря ему и медицинскому свидетельству В. О. Португалова, Якушкин остался в Самаре и был отдан мне на поруки»¹.

Свои впечатления о встречах с Г. С. Аксаковым в Уфе П. П. Добротворский оставил в статье «Первая голодовка»: «Мой настоящий рассказ относится к первой половине 60-х годов, когда уфимским губернатором был глубокоуважаемый Григорий Сергеевич Аксаков. Башкиры вверенного мне участка голодали, — тогда я уже был мировым посредником Белебеевского уезда и только что принял башкир в свое заведывание. Я приехал в Уфу, — приехал, чтобы хлопотать о скорейшей выдаче мне денег как на продовольствие голодающих, так и на обсеменение полей нуждавшихся башкир.

— Как вы кстати! — такими словами встретил меня Аксаков, поднимаясь с своего кресла, когда я вошел в его кабинет, где он сидел за какой-то работой около большого письменного стола, стоявшего посредине комнаты.

— А я только что о вас думал, — продолжал он, протягивая мне свою руку и усаживая меня рядом с собой в кресло. — Мы вам ассигновали тысячу рублей на продовольствие голодающих и две тысячи на обсеменение полей. Больше не могли, — добавил он, разводя руками и как бы извиняясь передо мной.

Затем Григорий Сергеевич принялся обстоятельно расспрашивать меня о положении моего участка, а я подробно передавал ему все, что видел, да и все то, что чувствовал в ту минуту, под свежим впечатлением того, что мне довелось только что видеть, объезжая мой участок. А чувствовал я тогда много, потому что был молод, а, главное, был еще чист сердцем, не искусившись в житейской мудрости. Я рассказал ему, как голодают башкиры чуть не целыми деревнями, что я видел людей худых, похожих на скелеты, видел распухших и посиневших от голода, видел нагих — и не в одиночку, а целыми семьями. Наконец, что я видел много больных и умирающих с бредом о хлебе, об одном хлебе.

¹ Баладин А. И., П. И. Якушкин. Из истории русской фольклористики. М.: Наука, 1969, с. 107, 319; Русский архив, 1915, вып. 9—10, с. 58. Вениамин Осипович Португалов (1835—1896) — известный писатель-публицист и врач.

— Ах, бог мой! Это ужасно! — такими восклицаниями Аксаков, то и дело, прерывал рассказ мой о всех ужасах нужды и голода, при чем я не раз заметил набегавшие на его глаза слезы. Когда же я выразил жалобу и даже неудовольствие на скудость ассигнованной в мое распоряжение суммы, то он, перебивая меня, сказал:

— Знаю, знаю, что нужда велика и что денег, отпущенных вам, мало, чтобы помочь всем нуждающимся, но что же будете делать: ваш участок не один, в губернии есть места, в которых население находится в еще более худшем положении, чем ваши башкиры. Будет можно — прибавим на ваш участок еще. Я уже писал в Петербург и даже лично просил министра, — добавил он как бы мне в утешение...

Сказавши это, Григорий Сергеевич проводил меня до дверей кабинета и на прощанье опять крепко пожал мою руку.

Кажется, ничего особенного свидание мое с Аксаковым в себе не заключало. Ну, просто это был прием вежливого, деликатного, вполне интеллигентного человека, — но вот, подите-ж, я вышел из его кабинета как бы окрыленным. Такова была сила сознания, что к тому делу, которому ты призван служить, относятся не только не «безучастно, но и сердечно»¹.

Нам известны четверо детей Григория Сергеевича и Софьи Александровны Аксаковых: Ольга, Сергей, Наталья и Константин. Старшая дочь Ольга родилась в Симбирске 26 декабря 1848 г.²

Ольга Григорьевна Аксакова (1848—1921), любимая внучка писателя, это ей он посвятил «Детские годы Багрова внука». Среди потомков писателя ей принадлежит особая роль прежде всего потому, что она, собрав богатейший архив талантливых представителей семейства Аксаковых, сохранила его, частично опубликовав, и остальное передала на хранение.

В 1889 г. она основала кумысолечебное заведение, ныне санаторий им. С. Т. Аксакова вблизи г. Белебея. Здесь она до революции «владела небольшим образцовым имением, поставлявшим в ее же кумысолечебницу молочные продукты, мясо, овощи». Старожил, полковник Михаил Акимович Лазаревский помнит Ольгу Григорьевну Аксакову. Он «Видел несколько раз в 1910—

¹ Добротворский П. И. Первая голодовка. — Русские ведомости, М., 1892, № 32.

² ГАКО, ф. 430, оп. 1, д. 1985, л. 11.

1912 г. в сельской церкви [в с. Надеждино] на богослужении, ему запомнилось и казалось странным то, что все молились стоя, а ей ставили стул.

Была она низкого роста, очень полная, седая, с розовым лицом. Ее обычно сопровождала другая старушка — сутулая, почти горбатая, худая, стриженная, с черными с проседью волосами». Говорили, что они сестры»¹.

В статье куйбышевского историка — краеведа, недавно умершего, Федора Гавриловича Попова «Потомки С. Т. Аксакова» были опубликованы сведения о последних годах жизни Ольги Григорьевны Аксаковой. Приводим их ниже. С 1914 года Ольга Григорьевна жила в селе Языково, Могутовской волости, Бузулукского уезда, ныне — Борский район Куйбышевской области. Там же она и умерла 7 апреля 1921 года. В 1920 году «по предложению уездного комитета партии Бузулукский исполком назначил ей постоянную пенсию... Старожилы села Языково с уважением вспоминают Ольгу Григорьевну, подчеркивая ее гуманность, патриотизм.

О прогрессивных взглядах Ольги Григорьевны свидетельствуют такие факты. После Октябрьской революции в школах было отменено преподавание закона божия. Под влиянием агитации враждебных элементов многие крестьяне с. Языково перестали пускать в школу детей. Тогда Ольга Григорьевна собрала родителей, поговорила с ними и убедила в неразумности этой своеобразной «забастовки». И ребята снова стали посещать школу.

В апреле 1919 года Языково оказалось в «ничейной» полосе, между частями Колчака и дивизией В. И. Чапаева. Как раз в день пасхи в село заскочил небольшой отряд белогвардейцев. Как и везде, куда они приходили, белогвардейцы начали искать тех, кто активно поддерживал советскую власть. Но доносчиков среди крестьян не нашлось. Тогда колчаковцы предъявили крестьянам обвинение в том, будто они «обижали барыню», то есть О. Г. Аксакову. Крестьяне ожидали большие неприятности. Узнав об этом, Ольга Григорьевна приехала в сельское правление, где хозяйничали колчаковцы, и категорически опровергла обвинение, заявив, что ее никто и никогда не обижал.

В годы гражданской войны, когда страна была в

¹ Журбенко Е. Строки об аксаковских местах. — Вперед (г. Велебей), 1983, 4 октября. М. А. Лазаревский ошибается. Сестру Ольги звали Натальей, она умерла до 1886 г.: в Формулярном списке отца указаны только дети Ольга и Сергей. См. ГАКО, ф. 430, оп. 1, д. 1985, л. 11.

огненном кольце интервентов и белогвардейцев, Ольга Григорьевна сочувственно относилась к борьбе советского народа. Она говорила крестьянам: «Пусть будет советская власть: если победят чужеземцы, от них нельзя ждать хорошего для русского народа».

Принимала Ольга Григорьевна и посильное участие в культурно-просветительной работе на селе. Несмотря на преклонный возраст, она живо интересовалась деятельностью сельского драмкружка, приходила на репетиции, помогала своими советами. В дружеских беседах с молодежью она выражала уверенность в том, что наш народ преодолет разруху в стране и добьется небывалых успехов. Крестьяне с уважением относились к внучке писателя и старались, чем могли, услужить и помочь ей в эти тяжкие годы¹.

В Уфе у Аксаковых родился сын Константин Григорьевич 14 января 1864 года, на его крестины приезжала Ольга Семеновна Аксакова с дочерью Верой и сыном Иваном². О судьбе Константина Григорьевича нам, к сожалению, ничего неизвестно.

В разделе объявлений Оренбургские губернские ведомости сообщали в 1865 г.: «Отъезжает в Германию и Бельгию действительная статская советница [Софья Александровна] Аксакова с дочерьми Ольгой и Натальей»³.

28 августа 1861 г. в Уфе у Аксаковых родился сын Сергей, на крестины которого в Уфу приезжали Ольга Семеновна Аксакова и Александр Максимович Княжевич, последний записан крестным отцом⁴.

Сергей Григорьевич Аксаков служил в земском отделе (1887), комиссаром по крестьянским делам Влоцлавского уезда Варшавской губернии (1888), земским начальником Бузулукского уезда (1891), умер 8 ноября 1910 года в Петербурге, погребен в имени Страхово Самарской губернии. 29 апреля 1884 года он женился в Петербурге на дочери капитана 1 ранга, Серафиме Ивановне Свешниковой⁵.

У Сергея Григорьевича и Серафимы Ивановны Аксаковых было четверо детей.

¹ Попов Ф. Г., указ. соч., с. 124, 126, 127.

² ЦГА ВАССР, ф. 294, оп. 2, д. 5, Метрическая книга Ильинской церкви, л. 2 об. 3.

³ Оренбургские губернские ведомости, 1865, № 18, 1 мая, с. 121.

⁴ ЦГА ВАССР, ф. 294, оп. 2, д. 2, Метрич. книга Троицкой церкви, л. 25 об. 26.

⁵ Сиверс А. А., указ. соч., с. 97.

Мария Сергеевна Аксакова родилась 6 марта 1885 года в Петербурге.

Елизавета Сергеевна умерла на втором году жизни, в 1888 году, погребена в Петербурге в Новодевичьем монастыре вместе с бабушкой своей, женой контр-адмирала Елизаветой Николаевной Свешниковой, урожденной Сотири.

Константин Сергеевич Аксаков родился 4 октября 1888 года в Царском селе.

Сергей Сергеевич Аксаков родился 24 декабря 1890 года в Самаре, воспитывался в Александровском лицее¹.

К сожалению, о первых троих нам ничего неизвестно.

Правнук писателя, Сергей Сергеевич Аксаков, известный композитор, «музыкальное образование получил в Москве под руководством крупнейших музыкальных деятелей: композитора А. Т. Гречанинова и профессора К. Н. Игумнова. С 1916 года Сергей Сергеевич жил в Китае, сначала в Харбине, работал на Китайско-Восточной железной дороге, преподавал в городской высшей музыкальной школе. Затем он был приглашен в качестве профессора в Китайскую государственную консерваторию в Шанхае, где проработал 25 лет.

В 1954 году С. С. Аксаков вернулся с семьей (супруга и две дочери) на родину. Министерство культуры направило его для музыкально-педагогической работы в Минск», где он преподавал в музыкальном училище. Он был членом Союза композиторов СССР, автором многих музыкальных произведений. В 1961 году Союз композиторов и общественность Минска отметили его семидесятилетие².

Широко известна его симфоническая поэма «В Туровской пуще», написанная на стихи поэта В. Дубовки, посвящена воинам Советской армии и партизанам, сражавшимся в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. На мотивы стихов поэта Якуба Колоса им написана поэма для оркестра «Лесная сказка»³.

С. С. Аксаков умер на 78-м году жизни, 4 сентября 1968 года в Минске⁴.

В некрологе С. И. Машинский писал: «Когда уходят из жизни представители прославленных фамилий, возни-

¹ Сиверс А. А., указ. соч., с. 98.

² Попов Ф. Г., указ. соч., с. 125, 126.

³ Тверской Игорь. Продолжается «династия» Аксаковых. Советская Башкирия, 1963, 9 октября.

⁴ Вернянд Г. Б., Ямпольский И. М. Советские композиторы и музыковеды, т. 1, М., 1978, с. 19.

кает такое ощущение, словно обрывается какая-то живая нить истории... И вместе с тем еще острее чувствуешь, сколь неразрывно связаны между собой век нынешний и век минувший, сколь едино и непрерывно в своем историческом развитии то, что мы называем духовной культурой народа¹.

Клавдия Степановна Аксакова, жена композитора, сообщила интересные подробности о своей семье: «Ирина Сергеевна старшая с 1939 г. 31 августа рождения носит фамилию Аксакова, у нее сын Сергей Витальевич Аксаков с 1963 г. 6 апреля рождения. По просьбе Сергея Сергеевича носит фамилию, как дочь, чтобы не угасал род Аксаковых. Ирина Сергеевна закончила Минский театральный институт и работает художественным руководителем в Московском физико-математическом институте.

Младшая дочь Ольга Сергеевна с 1942 г. 1 ноября рождения носит также фамилию Аксакова, у нее дочь Наталья Валериевна Зайцева с 1966 г. 16 декабря рождения. Сейчас живут в Минске. Ольга Сергеевна Аксакова работает в Минском музее изобразительных искусств».

Из дальнейшей переписки с К. С. Аксаковой нам известно, что у нее есть еще одна внучка Катенька Зайцева, которой в 1980 году исполнилось шесть лет.

Внуки С. С. и К. С. Аксаковых — Сергей, Наталья и Екатерина являются прапраправнуками С. Т. Аксакова.

Глава XIII

И. С. АКСАКОВ.

Иван Сергеевич Аксаков — известный общественный деятель, писатель и публицист-славянофил, третий сын Сергея Тимофеевича Аксакова. И. С. Аксаков родился 26 сентября (8 октября) 1823 года в с. Надеждино, вблизи города Белебея Уфимской губернии; умер он 27 января (8 февраля) 1886 года в Москве. Окончил курс в училище Правоведения в Петербурге в 1842 году. Служил в Москве в Сенате секретарем, потом в Калуге товарищем председателя Уголовной палаты; затем перешел на службу в Министерство Внутренних дел; в 1852 году вышел в отставку. Во время Крымской войны он вступил в Мос-

¹ Машинский С. С. С. Аксаков. — Литературная газета, 1968, № 42, с. 5.

ковское ополчение. В 1866 году он женился на Анне Федоровне Тютчевой (1829—1891), дочери поэта Ф. И. Тютчева.

Ценным материалом для изучения его биографии служит издание его писем. Биография И. С. Аксакова до сего времени не написана. Краткие биографические сведения о нем можно найти в энциклопедических словарях; более подробные сведения о творческом пути его даны во вступительной статье А. Г. Дементьева и Е. С. Калмановского к сборнику стихотворений и поэм И. С. Аксакова. Там же помещена и автобиография автора, написанная в апреле 1861 года¹.

В последние два десятилетия интерес к общественной и литературной деятельности И. С. Аксакова возрос: были опубликованы обстоятельные исследования по этим вопросам М. Н. Зубкова, Н. И. Цимбаева и А. С. Курилова.

М. Н. Зубков, подробно разбирая аксаковскую поэму «Бродяга», писал: «Первая часть поэмы «Бродяга» была закончена к концу 1848 года. Аксаков приступил к работе над второй, продолжая, однако, вносить изменения и дополнения в уже написанную первую часть. В письме от 23 ноября 1849 года он писал из Ярославля А. Смирновой: «Оцепенение разбилось» и «Бродяга» поплыл своим потоком. Недели с три тому назад, после 10-месячного молчания, принялся я снова за стихи... Написал целую главу, в которой изображается кабак во всей своей трагической красоте. Если успею... напишу и вторую главу, которая приводит Алешку в Астрахань. Это будет половина второй части». «Первую часть «Бродяги» Аксаков опубликовал в первом томе «Московского сборника» за 1852 год с подзаголовком «Очерки в стихах», а затем в газете «Парус» (№ 2, 1859) напечатал отрывки из последующих глав. Аксаков и далее работал над поэмой, но очень медленно, от случая к случаю. Основная работа над поэмой приходится на вторую половину 40-х годов, когда идеи Белинского, Герцена, «натуральная школа» оказывали исключительное воздействие на русскую литературу, и в частности на поэзию. Влиянием Белинского, демократическим направлением объясняем мы столь необычный для того времени по своей смелости и глубине замысел написать поэму, широко, многосто-

¹ Дементьев А. Г., Калмановская Е. С. Иван Сергеевич Аксаков. Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта, большая серия. Второе изд., Л., 1960.

ронне отражающую народную жизнь. В 1849 году Аксаков был арестован. На допросе в 111 отделении ему был предложен вопрос: «Объясните, какую главную мысль предполагается выразить в поэме «Бродяга» и почему избрали беглого человека предметом сочинения?» Аксаков отвечал: «Отчего выбрал я бродягу предметом сочинения? Оттого, что образ его показался мне весьма поэтичным, оттого, что это одно из явлений нашей народной жизни, оттого, что бродяга, гуляя по России как дома, дает мне возможность сделать стихотворное описание русской природы и русского быта в разных видах, оттого, наконец, что этот тип мне, как служащему столько лет по уголовной части, хорошо знаком. Крестьянин, отправившийся бродить вследствие какого-то безотчетного влечения по всему широкому пространству русского царства (где есть разгуляться), потом наскучивший этим и добровольно являющийся в суд, — вот герой моей поэмы».

«Во второй части поэмы Аксаков собирался... показать низовья Волги с ее беглым народом... Поэма, как видим, — большого эпического размаха, поэма о народе, о России, о России народной. Сюжет здесь такой же емкий, как и в поэме «Кому на Руси жить хорошо». И в той и в другой поэмах отправляются в путь крестьяне; беглые крепостные стали главными героями высокого жанра... Герой в поэме «Бродяга», как и в поэме «Кому на Руси жить хорошо», — народ. Дельцы, подрядчики, чиновная бюрократия даны сатирически. У Аксакова помещиков, собственно, нет, но о них говорят беглые крестьяне и говорят, как о своих врагах, преследователях... Картины и образы поэмы автор пронизал пафосом волюнтария, стремлением народа к лучшей доле.

Как и Некрасов, Аксаков поэтизирует труд... Аксаков прекликается здесь с представителями передовой русской литературы. Своим особым путем, путем славянофильских исканий народной души он шел к демократизму»¹.

Н. И. Цимбаев в своей книге обстоятельно осветил общественную деятельность И. С. Аксакова в пореформенной России².

К сожалению, не все выводы автора, на наш взгляд, достаточно обоснованы. Как известно, И. С. Аксаков не-

¹ Зубков М. Н. Предшественники Некрасова в создании народной героической эпопеи (И. С. Аксаков, И. С. Никитин). В кн.: Некрасовский сборник, т. 4, Некрасов и русская поэзия. Л.: Наука, 1967, с. 40—56.

² Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., изд. МГУ, 1978.

которое время служил в обществе взаимного кредита. С. А. Розанова по этому поводу пишет: «И. С. Аксаков сочетал издательскую деятельность со службой в Московском обществе взаимного кредита, что облегчало его положение как издателя»¹.

Н. И. Цимбаев также справедливо отмечает, что «Служба в Правлении Московского купеческого общества взаимного кредита упрочила материальное положение Аксакова, позволила частично расплатиться с долгами по изданию «Дня». Однако в той же книге, ниже, автор, противореча фактам и собственным выводам, называет И. С. Аксакова банковским дельцом»².

А. С. Курилов подготовил сборник литературно-критических статей братьев Константина и Ивана Аксаковых, дал к нему комментарии и написал вступительную статью, некоторые положения из которой мы ниже приводим³.

4 марта 1849 года был арестован и заключен в Петропавловскую крепость славянофил Ю. Ф. Самарин, выступивший в своих «Письмах из Риги», которое получили широкое распространение в рукописи, с критикой прибалтийских дворян-немцев, а 17 марта такая же участь постигла Ивана Аксакова (правда до крепости дело не дошло), который посмел в своих письмах к московским друзьям возмутиться арестом Самарина и советовал им быть поосторожнее.

Письма И. С. Аксакова «были перехвачены полицией и дали основание подозревать в их авторе и адресатах участников какого-то заговора против правительства. Найти «подпольную организацию» не удалось, тем не менее Самарин был сослан в Симбирск, а Иван Аксаков милостиво отпущен... под негласный надзор полиции. Вскоре Ивана Аксакова перевели на службу в Ярославль, а попросту говоря, отправили подальше от Петербурга»⁴.

В 1852 году Иван Сергеевич Аксаков принимает на себя редактирование славянофильского «Московского

¹ Розанова С. А. Примечания к письму от 7 февраля 1891 г. Н. С. Лескова Л. Н. Толстому. В кн.: Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями, изд. 2-е, в 2-х томах, М.: Худ. лит., 1978, т. 2, с. 242.

² Цимбаев Н. И., указ. соч., с. 217.

³ Курилов А. С. Константин и Иван Аксаковы. В кн.: К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика. М.: Современник, 1981.

⁴ Курилов А. С., указ. соч., с. 19.

Сборника». Первый том (всего предполагалось издать 4 тома) вышел в 1852 году и сразу же привлек к себе внимание не только литературной общественности, но и царской цензуры, всерьез озабоченной его направлением, выраженным прежде всего в статьях самого редактора — «Несколько слов о Гоголе» и «Об общественной жизни в губернских городах».

В первой статье, открывшей сборник, была дана, вопреки цензурным распряжениям, восторженная оценка творчества великого русского писателя как «подвига жизни», подвига чистого, высокого и искреннего, несмотря на ошибку издание его «Выбранных мест из переписки с друзьями». Во второй И. Аксаков «яростно и со знанием дела» обличал провинциальное дворянство, своим «обличительным пафосом» напоминая «художественные произведения молодого А. И. Герцена».

Второй том «Московского Сборника» вообще был запрещен, рукопись его конфискована, а авторам, среди которых находились виднейшие славянофилы, в том числе Константин и Иван Аксаковы, было высочайше повелено все свои сочинения «представлять отныне для цензуры не в Московский цензурный комитет, а в Главное управление цензуры, в Петербург», что было равносильно запрету печататься. Сверх того, Иван Аксаков лишился «на будущее время права быть редактором какого бы то ни было издания»¹.

«Известно, что до кончины Николая I славянофилы не имели права ничего писать и состояли под явным полицейским надзором»².

«Вынужденное бездействие тяготило и угнетало Ивана Сергеевича. Он просится в кругосветное путешествие на военном корабле — ему отказывают. С огромной охотой принимает он предложение Географического общества изучить и описать украинские ярмарки и в конце 1853 года на целый год отправляется на Украину. Через четыре года его «Исследование о торговле на украинских ярмарках» было опубликовано и удостоено большой медали Общества и половиной премии Академии наук.

Осенью 1854 года началась одиннадцатимесячная героическая оборона русскими войсками Севастополя в

¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 1, т. 1—3, М., 1888—1896, ч. 2, т. 4, СПб.

² Энгельгардт Николай. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703—1903), СПб., изд. А. С. Суворина, 1904, с. 300.

Крымской войне, и 18 февраля 1855 года Иван Аксаков, которому, как он писал родителям, «совестно» было находиться дома, когда «люди дерутся и жертвуют», записывается в Серпуховскую дружину Московского ополчения. Вместе с дружиной он совершает поход на Одессу и дальше — в Бессарабию. Потом некоторое время работает в комиссии по расследованию интендантских злоупотреблений во время войны, а затем, в начале 1857 года, уезжает за границу.

Там по приглашению Герцена он посещает Лондон и становится на какое-то время одним из тайных герценовских корреспондентов¹.

Вернувшись на родину в конце 1857 года, И. С. Аксаков уходит полностью в литературную и общественную деятельность. Сначала он принимает участие в издании славянофильского журнала «Русская беседа», затем становится его редактором. Позже начал было издавать газету «Парус», которая начала выходить с января 1859 года, но была закрыта уже на втором номере.

«В 60-е годы он издает газеты «День» (1861—1865) и «Москва» (1867—1868), на страницах которых открыто критикует внутреннюю и внешнюю политику царизма, особенно в области национальной экономики и в славянском вопросе». Издание этих газет неоднократно приостанавливалось царским правительством на срок от трех до шести месяцев. В результате «День» был вынужден вообще прекратить свое существование, а «Москва» в конце концов была закрыта².

Высокая оценка литературной и общественной деятельности Ивана Сергеевича Аксакова дана С. И. Машинским в «Краткой литературной энциклопедии», но там ничего не сказано об участии И. С. Аксакова в Вольной русской печати за границей. Нам думается, что биография И. С. Аксакова со временем должна быть дана с учетом всего выявленного литературного наследия³, включая его бесцензурные статьи в «Колоколе» и «Поллярной звезде», а также переписку его с А. И. Герценом⁴.

¹ Курилов А. С., указ. соч., с. 21.

² Там же, с. 22.

³ Наиболее полная библиография А. С. Аксакова приведена в кн. История русской литературы XIX века. Библиографический указатель. М.-Л., АН СССР, под ред. К. Д. Муратовой, 1962.

⁴ Письма И. С. Аксакова к А. И. Герцену хранятся в подлиннике в Рукописном отделе Гос. библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 69 (Герцена и Огарева).

Остановимся на малоизвестных фактах жизни и творчества И. С. Аксакова.

В «Автобиографии» И. С. Аксаков писал, что без его ведома в 1857 году напечатаны в Лондоне, в «Полярной звезде» его «Судебные сцены», или «Присутственный день Уголовной палаты».

Отрицание И. С. Аксаковым своего участия в **Вольной русской** печати Герцена было вынужденным — во избежание политического преследования со стороны царских властей. Н. Я. Эйдельман в своей книге «Тайные корреспонденты «Полярной звезды» обращает внимание на то, что опубликованные М. П. Драгома-

новым в его газете «Вольное слово» (Женева, 1883 г.) письма И. С. Аксакова и других лиц Герцену, впервые предавали гласности ряд секретных корреспонденций и открывали имена тайных корреспондентов Вольной русской печати¹.

В своей книге Эйдельман подробно исследует переписку И. С. Аксакова с Герценом, а также историю издания в «Полярной звезде» «Судебных сцен», которые были опубликованы Герценом в 1858 году. Как сказано выше, Иван Аксаков был за границей и в августе 1857 года встречался в Лондоне с Герценом. Тогда же они, видимо, договорились о тайных конспиративных путях и связях для передачи материалов из России в Лондон².

Однако И. С. Аксаков, за которым в России было установлено наблюдение с 1849 года, соблюдал большую осторожность. Все его письма Герцену были посланы с оказией. Не менее осторожно поступал и Герцен со своими корреспондентами из России. Поэтому все оставалось в тайне.

Высокую оценку дал Герцен Ивану Аксакову после встречи с ним в Лондоне: «Наиболее интересное лицо — сын Аксакова (брат ярого славянофила), человек боль-

¹ Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды», М., 1966, с. 265.

² Там же, с. 84.

шого таланта, сам немного славянофил, человек с практической жилкой и принципиальностью. Он сказал, что влияние наших изданий огромно, что мир чиновников их ненавидит и боится, но что вся молодежь не желает ничего признавать, кроме «Колокола» и «Полярной звезды»¹.

О встрече с Иваном Аксаковым Герцен писал И. С. Тургеневу: «Мы с ним очень, очень сошлись»².

В «Предуведомлении» к «Судебным сценам» И. С. Аксаков писал: «Многим покажутся скучными эти сцены, но пусть они поскучают. Пусть знакомятся они с изнанкою той жизни, которой лицевую сторону представляют законы, пусть знают, каким порядком по большей части совершается современный суд в России. В верности моего изложения — я убежден — поручится всякий, кому известен судебный быт не только столичный, но и провинциальный, не по одним книгам и законам, но и на самом деле и по опыту»³.

О содержании и характере «Судебных сцен» начинавшее их предисловие «От издателя» говорило следующее: «Судебные сцены» были нам присланы два раза, оба раза с другими рукописями, напечатанными в четырех книжках «Русских голосов». Мы медлили в издании этого превосходного произведения, во-первых, потому, что такое сочинение составляет значительную литературную собственность; во-вторых, думая, что при новом порядке вещей «Судебные сцены» могут быть напечатаны в России; но, кажется, что романтические преследования взяток и бесправия так далеко не идут. Через два года мы решаемся их напечатать, извиняясь о самовольном поступке перед неизвестным автором. Нам было бы очень больно, если б он был этим недоволен. Голосам из России⁴ мы не могли уступить такую пьесу, мы ее, как почетного гостя, сажаем на первое место — в наш красный угол»⁵.

А. И. Герцену и Н. П. Огареву действительно нравились «Судебные сцены», но им хотелось сказать публично

¹ Цитата Герцена приводится из его письма М.-А. фон Мейзенбург от 20 августа 1857 г., т. 26, с. 114.

² Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Наука, кн. 2, 1976, с. 364.

³ Полярная звезда, кн. 4, Лондон, 1858, с. 6. Смысла приводится по факсим. изд., в 1—8, М., 1966—1968; в. 9 — указатель. М., 1968.

⁴ Голоса из России — периодический сборник, издаваемый Герценом и Огаревым в Лондоне в 1856—1860 гг. — авт.

⁵ Герцен А. И. От издателя. — Полярная звезда, в. 4, с. 8.

побольше приятных слов их автору, имя которого в Лондоне отлично знали. И. С. Аксаков, прочитав предисловие Герцена, отвечал: «Благодарю Вас за отзыв в «Полярной звезде». Он так искусно написан, что мне до сих пор никаких запросов не было»¹.

Герцен называл «Судебные сцены» «гениальной вещью». Разоблачавшие всю систему царского судопроизводства, эти «сцены» сыграли «заметную роль в формировании антикрепостнических настроений, в подрыве устоев существующей системы общественных отношений. В 1861 году Герцен публикует еще одно сочинение Ивана Аксакова — мистерию «Жизнь чиновника», которая была написана молодым автором в 1843 году и отличалась сатирическим изображением русского чиновничества. Такого рода произведение не могло быть издано в России; оно получило распространение в списках, один из которых и попал в Лондон. Естественно, что оба сочинения увидели свет без имени автора»².

В 1931 году Президент Академии наук СССР А. П. Карпинский сообщал дочери А. И. Герцена, Н. А. Герцен, о подготавливаемом Академией наук переиздании «Колокола»: «Издание Академии наук имеет, однако, в виду не только воспроизведение великого памятника русской общественной мысли в виде «Колокола», но и снабжение его обширным научным аппаратом. Этот последний будет иметь своей ближайшей задачей установление авторства статей и корреспонденций «Колокола», путей, по которым редакция последнего получала свои сообщения, установление доли участия в «Колоколе» таких деятелей, как И. С. Тургенев, Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, И. С. Аксаков и т. д.»³.

В упомянутой выше книге Эйдельман отмечает: «Историческая справедливость требовала найти имена тайных корреспондентов Герцена и Огарева. Корреспонденты не искали славы. Каждая статья и заметка могла быть оплачена ссылкой в Сибирь... Читатели в России ждали и получали все это впервые с большим риском, конспиративно, вопреки всем цензурам и запретам».

О тесном сотрудничестве И. С. Аксакова в «Колоколе» Герцена стало известно лишь после издания «Систематизированной росписи», которая установила авторство

¹ Эйдельман Н. Я., указ. соч., с. 82.

² Курилов А. С., указ. соч., с. 21, 22.

³ Рогова Н. С. К истории архива А. И. Герцена. — Исторический архив, 1962, № 1, с. 95.

статей и заметок корреспондентов журнала «Колокол»¹. Несмотря на то, что «Систематизированная роспись статей и заметок» была опубликована еще в 1857 году, до сих пор в литературоведении не было достаточно заострено внимание на этой стороне деятельности, весьма важной для оценки общественно-политической характеристики И. С. Аксакова.

Активное участие И. С. Аксакова в Вольной русской печати Герцена не означало, конечно, полного совпадения взглядов его с издателем. Герцен боролся за Ивана Аксакова, помещая на страницах «Колокола» критический разбор газеты «День», издаваемой И. С. Аксаковым в России.

И. С. Аксаков выступал в «Колоколе» под псевдонимом — Касьянов. Его авторству принадлежит 37 статей и заметок обличительного характера². Рассмотрим некоторые из них.

«Мы получили от польского корреспондента, которого искреннейшим образом благодарим, — имена лиц, которые находятся теперь за границей, и которых прогрессивное правительство петербургское велело задержать на первой польской станции железной дороги... Какая смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний — и какая исполнинская колоссальная глупость нашего правительства»³. В списке названо 21 имя, среди них Ф. Достоевский, В. Стасов, П. Загоскин, Н. Рубинштейн и другие. Польским корреспондентом Герцен именует И. С. Аксакова, а под польской станцией следует подразумевать пограничную русскую.

В статье «От Центрального, Народного, Польского Комитета в Варшаве гг. издателям «Колокола»⁴ И. С. Аксаков излагает основы польского движения: признание права крестьян на землю, обрабатываемую ими, и право каждого народа на самоопределение; призыв к братскому союзу между русскими и польскими народами. На эту статью И. С. Аксакова Герцен помещает в следующем номере «Колокола» ответ «Центральному Польскому Комитету в Варшаве»⁵, где отмечает: «...что касается до нас, нам легко с Вами идти. Вы идете от признания прав крестьян на землю, ...вы признаете право всякого на-

¹ Колокол. Систематизированная роспись статей и заметок. М.: изд. Всесоюзной Книжной Палаты, 1957.

² Там же, с. 412.

³ Колокол, 15 августа, 1862, с. 1172.

⁴ Там же, 1 октября, 1862, с. 1205—1206.

⁵ Там же, 15 октября 1862, с. 1213.

рода располагать своей судьбой. Это наши основы, это наши догмы, наши знамена». И. С. Аксакова продолжает волновать судьба польского восстания и в 1863 и 1864 гг., о чем свидетельствуют его статьи «Первое мая» — о роли западноевропейских государств в подавлении Польского восстания¹, и «Освобождение крестьян в Польше»².

Статья «Восточная Галиция» о замышляемой русским правительством интриге в Галиции напечатана Герценом по материалам И. С. Аксакова³.

В связи с осуждением и ссылкой Н. Г. Чернышевского на каторгу Герцену очень необходимы были материалы сенатского следствия. Эти материалы отправил Герцену И. С. Аксаков. Опубликовав «Дело Чернышевского»⁴, Герцен разоблачил сфабрикованное 111 Отделением обвинение Чернышевского в том, что он намеревался издавать «Современник» за границей вместе с Герценом⁵.

Мы назвали лишь несколько статей, но и по ним уже можно судить о деятельности в Вольной русской печати И. С. Аксакова как публициста.

Н. Я. Эйдельман в своей книге подробно останавливается на борьбе В. И. Ленина против части левацки настроенных (К. Левин и др.), считавших Герцена либералом, не видевших его исторической роли⁶. Эйдельман пишет: «В. И. Ленин не хотел отдавать Герцена противникам. В первых же строках статьи «Памяти Герцена» В. И. Ленин пишет о революционере Герцене, выделяя слово «революционер» курсивом⁷. Отсюда ясно, что на герценовскую Вольную типографию — великое практически революционное дело — В. И. Ленин обращает особенное внимание: «Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная звезда» подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчанье было нарушено»⁸.

Вместе с Герценом заслугу создания Вольной русской печати разделяют десятки корреспондентов, выступавших в ней с обличительными статьями, в их числе находится и И. С. Аксаков.

¹ Колокол, 15 мая 1863, с. 1341.

² Там же, 20 марта 1864, с. 1498.

³ Там же, 1 сентября 1866, с. 1860.

⁴ Там же, 1 января 1865, с. 1581—1586.

⁵ Герцен А. И. Собр. соч. в 30 томах, т. 18, с. 487.

⁶ Эйдельман Н. Я., указ. соч., с. 271.

⁷ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, 1966, т. 21, с. 255.

⁸ Там же, с. 258—259.

Теперь проследим, каким же образом обличительные материалы о зверской эксплуатации крестьян на горных заводах Оренбургской губернии попали от Аксаковых к Герцену.

В 1859 году умирает отец, Сергей Тимофеевич Аксаков. Вскоре прекращает свое существование «Русская беседа». «Отказывают Ивану Сергеевичу Аксакову в просьбе об издании новой газеты — «Дело». Было от чего прийти в отчаяние»¹.

«Иван Сергеевич Аксаков выехал из Москвы 4 января 1860 года — это была его вторая поездка за границу»².

Переехав границу, Иван Сергеевич Аксаков сразу же отправляет по почте Герцену в Лондон большую посылку, в которой, видимо, и находились материалы по заводам. Во всяком случае, на такой вывод наводит ответное письмо Герцена и Огарева И. С. Аксакову от 31 января 1860 года. Приводим здесь это письмо:

«Здравствуйте на Западе, любезнейший Иван Сергеевич, — письмо ваше и посылка были праздником для нас. Мы искренно и много любим и уважаем вас. Хорошо бы вы сделали, если б приехали освежить нас невской водой (не ваша вина, что она не чище откупной водки).

Что это за комическое лицо — Алекс[андр] II! Слабость не только мать пороков, но ошибок. И жаль его, а я думаю, придется сделать ему по службе строжайший выговор со внесением в «Колокол» и оставить его на Барановых и Адлербергов.

С тех пор, как мы не виделись, партии обозначились больше.

Мне досадно, что вы не говорите о ряде моих статей «Русские немцы» в «Колок[оле]», особенно о последней (15 декабря). Если теперь славяне не видят, что мы представляем разное, но родственное с ними направление, а с западниками — разное и враждебное, — не наша вина. Напишите мне об этом (если у вас нет, я тотчас вышлю №№) и скажите ваше мнение. Нам очень бы надобно повидаться для того, чтобы взять общие меры, настоящую линию действий.

Рукой Н. П. Огарева: ...Не вздумайте отправиться в путешествие, не повидавшись, тем более, что ваше путешествие не так легко, как, может, вам теперь кажется.

Рукой А. И. Герцена: т. е. нам кажется, что в австрийских владениях вам надобно очень остерегаться, —

¹ Курилов А. С., указ. соч., с. 22.

² Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. 3, с. 348.

там такое озлобление против русских и такая боязнь панславизма.

У нас пошли слухи, что у Юр[ия] Самарина был удар; правда это? Неужели и он пленился чернильными лучами бюрократии?

Пишите, пожалуйста, поскорее, а главное — приезжайте. Посланное вами пришло исправно.

Дружески обнимаю вас.

Вот еще — что же западники? как они нас — побранивают или нет? ¹.

Связь И. С. Аксакова с Герценом видна и из других писем. Так 28 февраля 1860 года Герцен писал И. С. Аксакову в Мюнхен об известиях о Н. Серно-Соловьевиче, обещал ему выслать лист 64 «Колокола», просил его передать письмо Т. П. Пассек и прочесть о нем «анекдот насчет Александра II и «Колокола» ².

28 апреля 1860 года Герцен в ответ на письмо И. С. Аксакова от 16 апреля сообщал, что «посланные им бумаги получены; адрес дворянства Владимирской губернии «очень хорош», обещал напечатать его вместе с «гнусным петербургским» и т. д. ³.

Во все пребывание И. С. Аксакова за границей живая переписка с Герценом не прекращалась; это видно и из письма Герцена И. С. Тургеневу от 11 или 12 января 1861 года:

«О смерти [Константина] Аксакова писал мне Иван Сергеевич. Он умер на острове Занде, куда его послал Шкода для лечения. Иван Сергеевич его перевез в Триест и теперь поехал в Россию с ним. Письмо его ужасно — gloomy ⁴, даже фризирует отчаяние ⁵. Я написал от души несколько строк ему в память» ⁶.

Таким образом, хотя личная встреча с Герценом и не состоялась, связь между ними прослеживается довольно отчетливо; а главное — из их писем видно, что Герцен не раз получал материалы от И. С. Аксакова для «Колокола».

В эту поездку за границу И. С. Аксаков очень интенсивно пополнял свое образование: слушал многочислен-

¹ Герцен А. И., Сочинения в 9 томах, т. 9. М.; Гос. изд. Худож. лит., 1958, с. 457, 458.

² Летопись жизни и творчества А. И. Герцена, кн. 3, с. 100.

³ Там же, с. 111.

⁴ Мрачно-англ., примеч. Герцена.

⁵ Граничит с отчаянием, с франц., примеч. Герцена.

⁶ Герцен А. И. Собрание соч. в 30 томах, т. 27, кн. 1, с. 127.

ные лекции лучших профессоров в различных европейских университетах.

Вернувшись из-за границы, И. С. Аксаков продолжал жить со своей семьей, «из которой смерть постепенно уносила всех членов ее, — пока наконец пережившая почти всех дочерей своих, Ольга Семеновна не переселилась в Киев»¹. В Киеве в это время проживала ее замужняя дочь, Мария Сергеевна Томашевская.

«Оказавшись на родине в самый разгар предреформенных баталий, И. Аксаков сразу же включается в литературно-общественную борьбу, которая не прекращается до последних дней его жизни»².

«В 70-е годы широко развернулась деятельность Ивана Аксакова как руководителя Московского славянского комитета. Он принимает непосредственное и самое активное участие в оказании помощи Сербии и Черногории в их войне против Турции, начавшейся в 1876 году. От имени комитета он пишет воззвание к «русской общественной совести», помогает переправлять через границу генерала М. Г. Черняева и отряды русских добровольцев, организует заем сербскому правительству и сбор средств на нужды сербской армии. Московскому славянскому комитету удалось собрать около 800 тысяч рублей, из которых, как отмечал Иван Аксаков, «две трети пожертвований внес... наш бедный, обремененный нуждою, простой народ...»

Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Иван Аксаков проводит огромную работу по сбору средств, покупке оружия и переправке его болгарским дружинам. Это «стало его весомым вкладом в борьбу за освобождение балканских славян». 22 июня 1878 года Иван Сергеевич выступил на Собрании Московского славянского благотворительного общества (так с осени 1876 года стали называться славянские комитеты) с резкой критикой решений Берлинского конгресса и позиции, занятой на нем русской делегацией. Позор, заявил он, «Русь — победительница сама добровольно разжаловала себя в побежденную», а сам конгресс есть «не что иное, как открытый заговор против русского народа», против «свободы болгар», «независимости сербов». Царская реакция последовала незамедлительно: Аксаков был выслан из Москвы, а Славянские благотворительные общества вообще ликвидированы.

¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. 3, с. 514.

² Курилов А. С., указ. соч., с. 22.

Речь Ивана Аксакова стала вершиной его публицистической деятельности, принеся ему «международную известность и признание всех славянских народов, страдавших от турецкого и австрийского гнета». Огромное впечатление произвела она на болгарские демократические круги, внося заметный вклад в укрепление дружбы наших народов, а часть прогрессивно настроенной болгарской молодежи даже выдвинула его кандидатуру на болгарский престол. Одна из центральных улиц Софии с тех пор носит имя Ивана Аксакова.

В последние годы жизни, получив разрешение на издание газеты «Русь» (1880—1886), Иван Аксаков возвращается в активной литературно-общественной деятельности. Однако вскоре и над этой газетой также нависает угроза закрытия. Положение публициста, издателя, редактора, постоянно неуверенного в завтрашнем дне, удручающе действует на Аксакова. «Как трудно живется на Руси!.. — горько вырывается у него в одном из последних писем. — Есть какой-то нравственный гнет, какое-то чувство нравственного измора, которое мешает жить, которое не дает установиться гармонии духа и тела, внутреннего и внешнего существования. Фальшь и пошлость нашей общественной атмосферы и чувство безнадежности, беспроглядности давят нас».

Предчувствие грядущей расправы на этот раз оказалось для Ивана Сергеевича роковым: сердце его не выдержало и 27 января 1886 года остановилось...»¹

В 1866 году Иван Сергеевич женился на Анне Федоровне Тютчевой, авторе известных мемуаров. Мемуары эти были изданы с обстоятельной вступительной статьей и подробными примечаниями С. В. Вахрушина². Ниже мы приводим из этих материалов некоторые биографические сведения о А. Ф. Тютчевой.

Анна Федоровна Тютчева родилась 21 апреля 1829 года в Мюнхене, где ее отец служил при русской миссии, воспитание получила в Мюнхенском Королевском институте. Отец ее возвратился в Россию в 1844 году. Вскоре, в 1847 году, окончательно переехала в Россию и его дочь Анна, поселившись в отцовском имении Овстуг (Брянский уезд Орловской губернии) вместе со своей мачехой, и часто бывала в Санкт-Петербурге, где в Смоль-

¹ Курилов А. С., указ. соч., с. 22, 23.

² Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания-дневник. Перев. Е. В. Герье. М., изд. М. и С. Сабашниковых, ч. 1—1928, ч. 2—1929.

ном институте воспитывались ее младшие сестры Дарья и Екатерина.

Ф. И. Тютчев, испытывая материальные затруднения, хлопотал через вел. кн. Марию Николаевну о назначении одной из его дочерей фрейлиной к супруге наследника, будущего Александра II — Марии Александровне. В январе 1853 года Анна Федоровна оказалась в царском дворце и пробыла там 13 лет вначале фрейлиной при цесаревне, потом — при императрице и, наконец, гувернанткой при детях Александра II — дочери Марии и младших сыновьях Сергее и Павле. В январе 1866 г. ее служба при дворе прекратилась в связи с замужеством и она переезжает в Москву.

«Попав в среду фрондирующих славянофилов, она восприняла их взгляды и чувства к правящим петербургским сферам...»¹

Как сказано выше, в 1878 г. за речь И. С. Аксакова в Славянском комитете с резкими выпадами по адресу русской дипломатии его выслали из Москвы. Он вместе с женой вынужден был удалиться на время в имение к ее сестре, Екатерине Федоровне Тютчевой, — Варварино. Через полгода опала была снята².

«Законодательница славянофильских салонов Москвы, «неумолимая громовержница», — по словам И. С. Тургенева, — она пользовалась сохранившимися связями с

¹ Тютчева А. Ф., указ. соч. с. 10.

² Там же, с. 10.

царской семьей, чтобы влиять на молодое поколение ее в духе... славянофильских идей»¹.

А. Ф. Аксакова умерла 11 августа 1889 года; остаток жизни она посвятила изданию сочинений и переписки мужа.

Отмечая запущенное состояние аксаковской усадьбы в Бугурусланском районе, Владимир Альтов в статье «Шумят аксаковские ветлы» писал: «Просто стыдно становится, когда узнаешь такое: недавно пришло в Оренбург письмо из Болгарской народной республики, из села Аксакова, названного в честь сына писателя Ивана Сергеевича — известного поэта и общественного деятеля, так много сделавшего в свое время для освобождения Болгарии от османского ига. Руку дружбы протягивают болгарские аксаковцы оренбургским, предлагают обменяться делегациями. Оренбуржцы славятся своим гостеприимством, но, честно говоря, просто неудобно приглашать гостей в наше Аксаково»².

У нас в Башкирии аксаковские места в Белебеевском районе находятся в еще более запущенном состоянии, чем в Оренбургской области. Ничего не сделано в селе Надеждино для увековечения памяти Аксаковых.

До сего времени нигде не упоминалось о пребывании И. С. Аксакова в Уфе. В ЦГА ВАССР нами найдена метрическая запись по Ильинской церкви о рождении в Уфе 14(26) января 1864 года у Григория Сергеевича Аксакова сына Константина. Восприемниками были Аксаковы Иван Сергеевич, Вера Сергеевна и их мать — Ольга Семеновна³.

Глава XIV

К. С. АКСАКОВ.

Константин Сергеевич Аксаков — старший сын Сергея Тимофеевича Аксакова — публицист, историк, филолог и поэт. Родился он в селе Аксаково Бугурусланского уезда Оренбургской губернии 29 марта (10 апреля) 1817 года, умер 7 (19) декабря 1860 года в Греции, на острове Закинф (Занте), где он лечился.

Блестяще подготовленный дома отцом, пятнадцатилетний Константин поступает в 1832 году в Московский

¹ Тютчева А. Ф., указ. соч., с. 11.

² Урал, 1978, № 9, с. 100—104.

³ ЦГА ВАССР, ф. 294, оп. 2, д. 5, л. 2 об. 3.

университет на словесный факультет и в 1835 году оканчивает его. «Это были годы не только увлекательной учебы, но и формирования философских воззрений, гражданской позиции Константина Аксакова, годы общения и дружбы с такими выдающимися людьми того времени, как Н. В. Станкевич и В. Г. Белинский, в то время также учившимися в университете. Именно Белинский предваряет первую публикацию К. Аксакова в 1835 году в газете Н. И. Надеждина «Молва» — отрывка из стихотворной драматической пародии «Олег под Константинополем» — шутливым предисловием, где называет автора «человеком с необыкновенным поэтическим дарованием».

После окончания университета Константин Аксаков активно сотрудничает в «Молве», а затем в «Московском наблюдателе», который в 1838—1839 гг. редактировал Белинский... В эти годы происходит сближение Константина Аксакова с И. В. Киреевским и А. С. Хомяковым, его увлекает развиваемая ими идея преобразования русского общества на народных, самобытных началах. Он становится одним из самых ревностнейших сторонников и пропагандистов этого учения и принимает деятельное участие в его разработке.

Обладая даром страстной, эмоциональной, выразительной речи, умением приковать к себе внимание любой аудитории, Константин Аксаков подумывает о том, чтобы занять университетскую кафедру и с ее высоты прямо и открыто нести молодому поколению будущей России идеи славянофильства. С этой целью он готовит, в 1846 году издает и 6 марта 1847 года защищает диссертацию «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» на степень магистра русской словесности, где доказывает, что творчество Ломоносова представляет собою важный момент в историческом развитии отечественной поэзии — момент перехода от периода исключительно устного народного творчества к профессиональной литературной деятельности, «изящной» поэзии. Перед молодым ученым открывалась дорога на кафедру. Но в Московском университете вакансий не было, а уезжать из дому в другой город не хотелось, и тогда Константин Аксаков целиком отдается литературно-художественному творчеству. Он пишет пьесы, публицистические и критические статьи, исторические и филологические сочинения, отстаивает и пропагандирует преимущества русского быта и русской одежды перед иностранными.

Его литературно-критические выступления всегда отличались оригинальностью и неизменно вызывали на

спор... Внимательно следила за его деятельностью и царская цензура. Запрещается после первой постановки 14 декабря 1850 года — в день 25-летия восстания на Сенатской площади, что носило в известной мере символический характер, — его драма «Освобождение Москвы в 1612 году». Особенно возмутительными властям показались слова: «Глас народа — глас божий», а также мысль о том, что именно в народе вся правда жизни и вся сила страны и что презирать народ, возвышаться над ним — недопустимо — это прямой путь к потере свободы и независимости, к гибели государства.

Неудачей оканчивается и попытка опубликования в 1852 году статьи о богатырях великого князя Владимира. Цензору показались «неприличными» процитированные автором строки:

Собака, проклятый ты, Калин-царь.

Вас-то, царей, не бьют, не казнят.

Не бьют, не казнят и не вешают.

...Талант Константина Аксакова как литературного критика, публициста ярко раскрывается во второй половине 50-х годов на страницах славянофильских изданий — «Русской беседы», «Молвы» и «Паруса». Широкую известность приобрели его передовицы в «Молве» — броские, афористичные, открыто вызывающие своим подчеркнутым народолюбием и категоричностью суждений.

Венцом публицистической деятельности К. Аксакова становится статья «Опыт синонимов. Публика — народ», резко обличающая образ жизни правящих сословий. В ней говорилось: «Публика выписывает из-за моря мысли и чувства, мазурки и польки: народ черпает жизнь из родного источника. Публика говорит по-французски, народ — по-русски. Публика ходит в немецком платье, народ — в русском. У публики — парижские моды. У народа — свои русские обычаи... Публика спит, народ давно уже встал и работает. Публика работает (большею частью ногами по паркету), народ спит или уже встает опять работать. Публика презирает народ, народ прощает публике. Публике всего полтора года лет, а народу годов не сочтешь. Публика преходяща: народ вечен. И в публике есть золото и грязь, и в народе есть золото и грязь; но в публике грязь в золоте; в народе — золото в грязи...»¹.

¹ Курилов А. С. Константин и Иван Аксаковы. В кн.: К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика. М.: Современник, 1981, с. 16—18.

Статья эта, в которой Константин Аксаков прямо заявил, что «у аристократической публики» нет ничего общего с русским народом, обеспокоила правительство. Александр II высказался о ней так: «Статья эта мне известна. Нахожу, что она написана в весьма дурном смысле. Объявить редакции «Молвы», что если и впредь будут замечены подобные статьи, то газета сия будет запрещена, а редактор и цензор подвергнутся строгому взысканию». От дальнейшего издания «Молвы» К. С. Аксаков, фактический редактор газеты, и его брат И. С. Аксаков, который хотел выпускать «Молву» и в следующем 1858 году, вынуждены были отказаться»¹.

Полный силы и здоровья, богатырского телосложения, Константин Аксаков был в буквальном смысле сражен смертью отца, последовавшей 30 апреля 1859 года. Не стало «отесеньки» — так ласково, уменьшительно, от слова «отец», называли в их семье Сергея Тимофеевича. Привязанность сына к отцу была настолько велика, что он не смог перенести утраты. Охватившая его невыносимая тоска скоро перешла в чахотку. Его повезли лечиться за границу»².

Мать Константина, Ольга Семеновна Аксакова, «будучи не в состоянии перенести долее разлуку с больным сыном, 27 октября [1860 года] выехала за границу с двумя старшими дочерьми Верою и Любовью. 8 ноября Иван Сергеевич ветретил их в Бреславле вместе с Константином Сергеевичем и все вместе поехали на остров Занте, где больной должен был провести зиму; но ровно через месяц его уже не было в живых, и они совершали обратное скорбное путешествие за гробом его в Москву, где бедная мать схоронила своего первенца рядом с могилой Сергея Тимофеевича в Симоновом монастыре»³.

И. С. Аксаков написал биографию и издал после смерти брата собрание сочинений его в трех томах⁴.

О К. С. Аксакове его современниками написано очень много и как о историке, и как о публицисте-славянофиле, и как о литературном критике.

Современная оценка деятельности славянофилов приводится в статье «Славянофильская критика 40—50 гг.»:

¹ Хрестоматия по истории русской журналистики XIX века, М.: Высшая школа, 1965, с. 171—172.

² Курилов А. С., указ. соч., с. 18.

³ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. 3, М., 1892, с. 510.

⁴ Аксаков К. С. Полное собрание сочинений в трех томах, М., 1861, 1875, 1880.

«Хотя споры представителей западнической группы с кругом Хомякова, Киреевских и Аксаковых постепенно отходили на второй план, по сравнению с борьбой нарождавшейся революционной демократии с буржуазно-помещичьим лагерем, все же они, несомненно, сыграли тогда положительную роль, оставив заметный след в идейной жизни России XIX века»¹.

Литературная деятельность К. С. Аксакова протекала в предреформенный период, в условиях острой борьбы славянофилов и западников. В. А. Кошелев, весьма глубоко и всесторонне анализируя всю сложность этой борьбы, пишет:

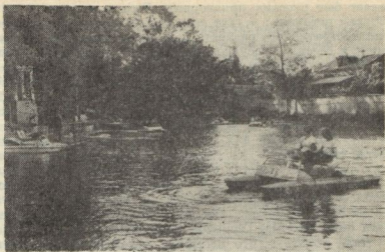
«Часто враждующие литературные течения недостаточно ясно сознают свою преемственность и борются, в сущности, за одно и то же. Еще чаще эта борьба идет на несколько флангов, и одни литературные течения не покрывают и не «зачеркивают» другие. Таковы, например, западничество и славянофильство: обе группировки в литературном движении 1840-х годов нужны и прогрессивны, хотя и антагонистичны. Каждое течение имеет свои оттенки, свои формы и свои «формулы», — иные из них с течением времени меняются, иные утрачиваются, что обуславливает сложность позднейшего восприятия этих течений. Наконец, сложность борьбы литературной обусловлена сложностью борьбы общественной, а здесь упрощенная связь недопустима. Политические взгляды писателя и его литературная позиция часто весьма не просто соотносятся между собой...

Осознать себя в народе и народ в себе — эта цель житейского поведения человека 40-х годов определила факт формирования национального самосознания. Все это привело к жесточайшим спорам, в результате которых в среде передовой русской интеллигенции сложились два лагеря — западников и славянофилов, вобравшие в себя лучшие интеллектуальные и художественные силы того времени.

Обе эти противоборствующие идеологии, каждая по своему, противостояли «казенной» идеологии официальной народности, сформировавшейся, в основном, в предшествующую эпоху...

Официальная идеологическая система была весьма изобретательной: апология самодержавия переплеталась в ней с вероучением и «самобытностью», реакция с «пат-

¹ История русской критики. М.-Л., АН СССР, 1958, т. 1, гл. 9, с. 326—346.

риотизмом», охранительство — с «народностью». Любая оппозиция, поднимавшая руку на деспотизм или охранительство, могла быть обвинена в оскорблении национального чувства, любая реакция против власти изображалась как посягательство на «народность». Деспотизм прямо соотносился с «гением нации» и объявлялся единственной жизнеспособной формой правления в России¹.

Отметим здесь ту сторону деятельности К. С. Аксакова, которая до недавнего времени оставалась малоизвестной: активное участие в «Колоколе» Герцена. В «Систематизированной росписи» К. С. Аксаков назван автором 12 статей².

Этот факт участия К. С. Аксакова в Вольной русской печати за границей его биографами не освещался. Приведем содержание его некоторых статей, опубликованных Герценом в «Колоколе».

В статье «Розги долой» автор предлагает образованному меньшинству русского дворянства составить «союз воздержания от телесных наказаний»³.

По поводу статьи К. С. Аксакова, опубликованной 12 мая 1862 года в «Правдивом», в которой автор разоб-

¹ Кошелев В. А. Общественно-литературная борьба в России 40-х годов XIX века. Вологда, Вологодский Гос. педагогический институт, 1982, с. 4, 6, 7.

² Колокол. Систематизированная роспись статей и заметок. М., изд. Всесоюзной Книжной Палаты, 1957, с. 412.

³ Колокол, 1 июля 1860, с. 623. Все ссылки на «Колокол» приводятся по изданию М.: Наука, 1964.

лчает быт русских придворных, Герцен написал отзыв «Старая история»: «...Тут есть все: и несчастная жертва административного разврата..., и суммы внесения Адлербергу, и бессилие государыни, и безнаказанность Сабурова... Мы это говорим со скорбью...»¹

В статье «Ученые известия» содержится ирония по поводу «независимости Академии наук»².

В статье «Из Грузии» К. С. Аксаков, разоблачая произвол чиновников в управлении Грузией, восклицает: «...Неужели Россия для того только и пролила столько крови своих сынов на Кавказе, чтобы передать затем эту страну хищничеству своих чиновников»³. «Редакция Колокола благодарит от всей души корреспондента, приславшего эту прекрасную статью, — писал Герцен⁴. Эта статья К. С. Аксакова, так же как и некоторые другие, была опубликована Герценом посмертно.

Надо полагать, что передача статей К. С. Аксакова Герцену осуществлялась через брата, И. С. Аксакова.

В «Колоколе» же Герцен поместил и некролог: «Константин Сергеевич Аксаков», в котором писал: «...Рано умер Хомяков, еще раньше Аксаков; больно людям, любившим их, знать, что нет больше этих деятелей благородных, неутомимых, что нет этих противников, которые были ближе нам многих своих... Киреевские, Хомяков и Аксаков сделали свое дело... С них начинается перелом русской мысли. И когда мы это говорим, кажется, нас нельзя заподозрить в страсти»⁵.

По поводу некролога И. С. Тургенев писал Герцену: «Я должен довести до твоего сведения, что твои статьи в «Колоколе» о смерти К. С. Аксакова и об Академии — прелесть, особенно первая, про которую я знаю, что она произвела глубокое впечатление в Москве и в России»⁶.

Иван Сергеевич Аксаков благодарил Герцена за этот некролог: «Любезнейший Александр Иванович, ...Вы на мое письмо ответили такой статьей в «Колоколе», за которую я вас еще крепче полюбил и которая бесконечно лучше всего, что было сказано и написано о брате и о Хомякове у нас в России, друзьями»⁷. Некролог Герце-

¹ Колокол, 22 июня 1862, с. 1140.

² Там же, 15 февраля 1860, с. 530.

³ Там же, 15 сентября 1862, с. 1199—1201.

⁴ Там же.

⁵ Там же, 15 января 1861, с. 753.

⁶ Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 томах, М., Наука, 1956—1958, т. XV, с. 294.

⁷ Там же, с. 294—295.

на вызвал в России соответствующую реакцию. Министерством народного просвещения была запрещена лекция Н. И. Костомарова о трудах К. С. Аксакова. В России нашли невозможным, как писал сам Герцен, «чтобы в Петербургском университете профессор публично похвалил человека, о котором «Колокол» хорошо отозвался»¹. Позже лекция все же состоялась, несмотря на запрет властей, и профессора Костомарова восторженные студенты вынесли на руках вместе с креслом, за что потом студенты подвергались преследованию.

Интересная характеристика дана К. С. Аксакову Герценом в его воспоминаниях: «Аксаков остался до конца жизни вечным восторженным и беспредельно благородным юношей, он увлекался, был увлекаем, но всегда чист сердцем. В 1844 году, когда наши споры дошли до того, что ни славяне, ни мы не хотели встречаться, я как-то шел по улице; К. Аксаков ехал в санях. Я дружески поклонился ему. Он было проехал, но вдруг остановил кучера, вышел из саней и подошел ко мне. — Мне было слишком больно; — сказал он, — проехать мимо вас и не проститься с Вами. Вы понимаете, что после всего, что было между вашими друзьями и моими, я не буду к вам ездить; жаль, жаль, но делать нечего. Я хотел пожать вам руку и проститься. — Он быстро пошел к саням, но вдруг воротился; я стоял на том же месте, мне было грустно; он бросился ко мне, обнял меня и крепко поцеловал. У меня были слезы на глазах. Как я любил его в ту минуту ссоры!»²

На смерть К. С. Аксакова появились многочисленные отклики в русских журналах и газетах. В них писалось: «К. С. Аксаков носил в себе несокрушимую веру в светлую будущность России. Он любил свою родину с энтузиазмом»³. Русский народ любил он от всего сердца; он благоговел перед ним»⁴.

В 1861 году в Лейпциге И. С. Аксаков издал книгу брата под названием «Замечания на новое административное устройство крестьян в России», в которой автор гневно протестует против намерения освободить крестьян от крепостной зависимости без земли: «Вы уничтожаете, убиваете самое начало нашей жизни, вы убиваете нашу Русскую свободу, нашу общину, наш мир, — писал

¹ Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 томах, М.: Наука, 1956—1958, т. XV, с. 73.

² Там же, т. IX, с. 162—163.

³ Там же, т. XV, с. 295.

⁴ Там же, с. 295.

К. С. Аксаков, обращаясь к членам Редакционных комиссий. — Задумайтесь хоть на одну минуту... Вы распинаете теперь русский народ»¹.

Конечно, в России невозможно было издать такую книгу. Вот что писал И. С. Аксаков о ней Герцену 7 июня 1861 года: «Так как все параграфы, на которые нападает брат, вошли в состав ныне действующего «Положения», что тщательно мною отмечено в подстрочных примечаниях, то сочинение имеет интерес не исторический только, но вполне живой, современный»². Далее И. С. Аксаков писал, что отдал распоряжение издателю «немедленно по отпечатании» послать экземпляр книги Герцену и Огареву: «Я бы счел себя виноватым перед покойным братом, если б пропустил минуту и не дал раздаться его протесту против искажения народных бытовых начал петербургской и либеральной бюрократией. Знаю, что многим оно здесь будет неприятно, и еще не знаю, как посмотрит на это правительство»³.

Герцен, получив книгу, горячо на нее откликнулся статьей «Книга К. С. Аксакова», в которой отвечал: «...Укором раздается из свежей могилы этот голос горячей любви к народу русскому в то время, когда опричники освободителя секут Россию, расстреливают Россию. Сколько страданий готовилось Аксакову, если б он не умер! Он не вынес бы всекаемого освобождения, мы уверены в этом — он бросился бы в ряды крестьян... больше мы не можем почтить его благородной памяти»⁴.

Глава XV

А. М. БУТЛЕРОВ.

Великому русскому ученому, создателю современной органической химии, Александру Михайловичу Бутлерову посвящены десятки исследований по изучению его научного наследия. Но, по мнению Г. В. Быкова, автора монографии о А. М. Бутлере, все они недостаточно используют новые материалы, тем более, «что биографические очерки, посвященные ему и вышедшие около 10 лет тому назад, содержат много вымыслов и не выдерживают никакой критики в научном отношении. Но

¹ Герцен А. И., указ. сочинение, т. XV, с. 376.

² Там же, с. 375, 376.

³ Там же, с. 376.

⁴ Там же, с. 129.